
Ольга Ефимова
Тихая Гавань
18+

Ольга Ефимова

Тихая Гавань

«Автор»
2026

Ефимова О.

Тихая Гавань / О. Ефимова — «Автор», 2026

Двенадцать лет назад Анна Верещагина чудом выжила в пожаре, уничтожившем её семью. С тех пор она — лучший профайлер Главного управления, специалист по неуловимым преступникам. Когда начальник, получив отказ, отправляет её в командировку в родной Туманск, Анна возвращается туда, где всё началось. Официально — расследовать серию дерзких ограблений. Неофициально — встретиться с прошлым, которое никто не хочет ворошить.В городе орудует банда «призраков»: они не оставляют следов, а свидетели молчат. Но Анна замечает деталь — обгоревшую спичку на месте преступления. Такую же, как двенадцать лет назад. Она выходит на след организации «Тихая гавань», которая сжигает дома, чтобы завладеть землёй. И чем глубже она копает, тем яснее понимает: её собственная трагедия — часть большой системы. А где-то рядом — тот, кто ждал её возвращения все эти годы.Детектив, от которого невозможно оторваться.

© Ефимова О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сон наяву 5
Глава 2. Приказ 11
Глава 3. Туманск 16
Глава 4. Местные 19
Глава 5. «Призраки» 23
Глава 6. Первый свидетель 28
Глава 7. Ольга 33
Глава 8. Друг 39
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Ольга Ефимова
Тихая Гавань

Глава 1. Сон наяву

Огонь всегда приходил одинаково.

Сначала — запах. Не дым, нет. Дым приходит позже, когда уже поздно. Сначала — запах бензина, резкий, сладковатый, въедливый. Он заползал в нос, в горло, в лёгкие, и Анна просыпалась от того, что не могла дышать.

Потом — треск. Сухой, весёлый, почти праздничный. Так трещат дрова в камине, когда за окном метель и все дома. Но здесь, в её сне, за окном не было метели. За окном был август, сухая трава и звезда в небе, которая падала вниз, прямо на крышу их дома.

А потом приходил крик.

Не её. Её крик был позже, когда она уже стояла на улице в одной пижаме, босиком, и смотрела, как горит всё, что она любила.

Крик был мамин.

Анна Верещагина открыла глаза.

Потолок был белый, ровный, с трещиной в углу, которую она знала наизусть, как собственную ладонь. Она лежала неподвижно, считая вдохи — раз, два, три, четыре, — пока сердце не перестало биться где-то в горле и не вернулось на положенное место.

Три часа ночи. За окном — Москва, огни, машины, чья-то жизнь, которая не имеет к ней никакого отношения. В квартире — тишина, которую она сама выбрала.

Анна села на кровати. Простыня, влажная от пота, неприятно липла к коже. Она провела рукой по лицу, отбросила спутанные волосы назад и перевела взгляд на тумбочку..

На тумбочке стояли стакан воды и баночка с таблетками. Рядом лежало зеркало — овальное, в серебряной оправе, доставшееся от бабушки. Она взяла его, пристально огляделась в своё отражение.

Тридцать четыре года. Тёмные круги под глазами, которые не скрывал даже дорогой корректор. Скулы — резкие, как у отца. Глаза — серые, спокойные, как у матери. И где-то глубоко в них — девочка, которая до сих пор стояла босиком на августовской траве и смотрела, как горит её дом.

— Хватит, — сказала Анна вслух.

Голос прозвучал хрипло, но твёрдо. Она приняла таблетку, запила водой и встала. Ритуал был отработан годами: душ, крепкий кофе без сахара, пять минут перед окном. Смотреть на город и напоминать себе, что она здесь. Что она жива. Что она справилась.

Только это было ложью.

Она не справилась. Она просто научилась жить с этим. Как живут с осколком в спине: не чувствуешь каждый день, но знаешь, что он там. И иногда, когда резко поворачиваешься, — простреливает так, что темнеет в глазах.

К девяти утра Анна была в управлении.

Отдел по особо важным делам занимал целый этаж — стекло, металл, минимум живого. Здесь не было места сентиментальности. Здесь были только дела: папки, отчёты, профили, фотографии. Анна любила эту стерильность. Она не любила людей, которые приходили с этой работой. Но любила работу.

Она прошла мимо стола дежурного, кивнула охраннику, поднялась на лифте. На её столе уже лежала новая папка. Свежая, ещё пахнущая типографией.

«Дело № 47-Б. Серия убийств. Три эпизода. Подозреваемый не установлен».

Анна открыла папку, пробежала глазами по первой странице, и мир сузился до размеров этого листа.

Женщина, тридцать два года, убита в собственной квартире. Способ — удушение. Ни следов взлома, ни отпечатков, ни свидетелей. Такая же, как две предыдущие. Такая же, как ещё двенадцать за последние три года. И все — в разных городах, все — «висяки», которые никто не хотел брать.

Анна взяла ручку и начала делать пометки.

Через час дверь кабинета открылась без стука.

— Верещагина.

Полковник Громов. Пятьдесят два года, седой, с глазами, которые всегда чуть-чуть смеялись — даже когда он говорил серьёзные вещи. Особенно когда он говорил серьёзные вещи.

— Ты в курсе, что я тебя жду?

— Я в курсе, что вы меня ждёте каждое утро, — ответила Анна, не поднимая глаз от папки. — Это часть вашего расписания.

Он усмехнулся, вошёл, закрыл за собой дверь. Анна почувствовала, как напряглись плечи. Она не любила, когда он закрывал дверь.

— Дело 47-Б, — сказал Громов, кивнув на папку. — Интересное.

— Да, — сказала она. — Три эпизода и один почерк. Возможно, серия.

— Возможно, — согласился он. — Или возможно, что кто-то просто хорошо заметает следы. Ты знаешь, как это бывает.

Он подошёл ближе — слишком близко. Анна не решилась поднять глаза, будто боялась, что один взгляд всё испортит.

— Верещагина, — сказал он тише. — Посмотри на меня.

Она посмотрела. Спокойно, ровно, без выражения. Так она смотрела на свидетелей, которые врали. Также она смотрела на подозреваемых, которые блефовали.

— Я занята, товарищ полковник.

— Я знаю, что ты занята. Я хотел пригласить тебя на ужин.

— Я не хожу на ужины с начальством.

— А если это не ужин с начальством? А если это просто ужин?

Анна положила ручку. Медленно, аккуратно, параллельно краю стола.

— Тогда это ужин с мужчиной, который состоит со мной в служебных отношениях. И я не хожу на ужины с мужчинами, которые состоят со мной в служебных отношениях.

— А с мужчинами, которые не состоят? — спросил Громов.

— Тоже, — сказала она. — Я вообще не хожу на ужины.

Повисла пауза. Громов смотрел на неё, и улыбка медленно сползала с его лица, как краска с некачественной стены. Оставалось только голое, холодное раздражение.

— Ясно, — сказал он.

Он развернулся и вышел. Дверь он не закрыл — оставил открытой, и это было хуже, чем если бы хлопнул. Анна смотрела на дверной проём, на пустой коридор, и чувствовала, как что-то в груди сжимается.

Она знала этот тип людей. Она видела их сотни раз: мужчин, которые не умеют принимать «нет». Которые воспринимают отказ не как ответ, а как оскорбление. Которые потом мстят — мелко, по-чиновьичьи, так, чтобы никто не сказал, что это месть.

Она вернулась к папке, но текст расплывался.

Через два часа её вызвали в кабинет Громова.

— Туманск, — сказал Громов.

Он сидел за своим столом — большим, дубовым, с зелёным сукном, как в старых фильмах про милицию. Перед ним лежала тонкая папка. Не дело 47-Б. Что-то другое.

— Что Туманск? — спросила Анна.

— Ты едешь в Туманск. Послезавтра назначена командировка. Срок — не определён.

Анна замерла посреди кабинета, не сводя с него взгляда. Она не садилась — он так и не предложил ей присесть.

— В Туманске орудует банда налётчиков, — продолжил Громов, открывая папку. — Три ограбления инкассаторов за полгода. Ни улик, ни свидетелей. Местные не справляются. Ты — специалист по неуловимым. Вот и поучи.

— Я веду дело 47-Б, — сказала она. — Это серия.

— Дело 47-Б передадут Соловьёву.

— Соловьёв — аналитик. Он не выезжает на места.

— Значит, научится, — сказал Громов. — Или ты отказываешься? Тогда я буду вынужден поставить вопрос о твоём соответствии должности.

Он произнёс это спокойно, почти ласково. Как человек, который точно знает, что делает.

Анна молчала. Она смотрела на него, и в голове было тихо, пусто и очень ясно.

Туманск.

Город, где стоял её дом и она потеряла всё, был навсегда вычеркнут из её памяти.

— Почему Туманск? — спросила она.

Громов пожал плечами:

— Нужен опытный следователь. Ты — и есть опытный.

— Вы знаете, что я оттуда родом.

— Знаю, — сказал он. — И что?

— И что это не совпадение.

— Совпадение, не совпадение — какая разница? — сказал он. — Приказ есть приказ. Или ты хочешь, чтобы я подумал, что ты боишься?

Он смотрел на неё, и в его глазах вновь мелькнула та самая улыбка. Он всё знал — и выбрал это место намеренно. Не для того, чтобы она раскрыла дело, а чтобы сломалась, уволилась или совершила ошибку, за которую её можно будет с позором уволить.

— Я не боюсь, — сказала Анна.

— Тогда послезавтра в восемь утра. Билет на поезд уже куплен.

Она взяла папку. Их пальцы не соприкоснулись — она специально.

У двери она обернулась:

— Товарищ полковник. Вы сказали, что я специалист по неуловимым. Вы правы. Я умею ловить тех, кто не оставляет следов. Но знаете, что я умею лучше всего?

— Что? — спросил он.

— Я умею не оставлять следов сама, — сказала она. — И я очень хорошо помню, кто что делает.

Она вышла.

Вечером она собрала сумку.

Не чемодан — сумку. Чёрную, спортивную, с одним отделением. Туда поместилось всё: три футболки, джинсы, свитер, ноутбук, папка с делом, аптечка. И маленькая коробочка — таблетки.

Анна стояла у окна своей квартиры и смотрела на Москву. Город не спал — он никогда не спал. Он светился, гудел, жил. Он был безопасен, потому что здесь её никто не знал. Здесь она была Анной Верещагиной, следователем. Здесь у неё не было прошлого.

В Туманске у неё было только прошлое.

Она закрыла глаза. Перед ними снова возник дом — деревянный, двухэтажный, с верандой и вишнёвым садом. Мать на крыльце, в ситцевом халате, с полотенцем на плече. Отец у калитки, с газетой под мышкой. Брат — ему было шесть, он сидел на траве и строил что-то из палочек.

Анна открыла глаза.

Она больше не плакала об этом. Слёзы закончились много лет назад — или просто высохли, как высыхает всё, что горит слишком долго.

Она взяла телефон, набрала номер.

— Тётя Вера? Это Аня.

На другом конце провода послышалось шуршание, потом — старческий, дребезжащий голос:

— Анечка? Девочка моя, ты звонишь так поздно.

— Прости. Я просто хотела услышать твой голос, я завтра уезжаю.

— Куда? — спросила тётя Вера, и в голосе появилась тревога. — Не в Туманск?

Анна помолчала.

— В Туманск.

Тишина. Долгая, тяжёлая. Потом тётя Вера сказала очень тихо, почти шёпотом:

— Он вернулся.

— Кто?

— Он. Тот, кто... — Голос сорвался. — Он вернулся, Анечка. Я видела его во сне. Он снова здесь.

Анна закрыла глаза.

— Это просто сон, тётя Вера. Просто сон.

— Это не сон, — сказала тётя Вера. — Это предупреждение.

Анна попрощалась, положила трубку и долго стояла, глядя на телефон. Тётя Вера после трагедии сошла с ума — официально. Её положили в пансионат, где она и жила последние двенадцать лет. Она видела лица в стенах и слышала голоса в тишине. Ей нельзя было верить.

Но что-то в её голосе — что-то в этом шёпоте — заставило Анну поёжиться.

Она выключила свет и легла. Сон никак не шёл. В голове крутились мысли: дело 47-Б, Громов, Туманск, тётя Вера.

И где-то глубоко, под всеми этими мыслями, — тихий, почти неслышный голос, который говорил:

«Ты не должна была возвращаться».

Утро начиналось с запаха кофе и чужого одеколона.

Анна сразу поняла что-то не так. Она стояла на кухне, наливала воду в турку, и вдруг замерла. Вдруг почувствовала одеколон сладковатый, с ноткой сандала. И он вообще не должен был здесь находится.

Она обернулась.

На кухонном столе лежала записка. Простой белый лист, сложенный пополам. Анна не помнила, чтобы оставляла его. Она не могла припомнить, что вчера кто-мог заходить.

Она взяла лист и развернула.

Печатные буквы, ровные, как из принтера:

«Ты уверена, что хочешь вернуться?»

Анна проложила записку обратно на стол очень медленно и аккуратно.

Она проверила дверь — замок был цел, следов взлома нет. Окна — закрыты. Сигнализация не срабатывала. Кто-то был здесь до неё. Или….

Она не стала додумывать. Взяла телефон, сфотографировала записку, убрала в пакет. Потом достала из ящика маленький диктофон, который всегда носила собой, и наговорила: «Двадцать восьмое августа, семь пятнадцать утра. Обнаружена записка. Угроза или предупреждение. Связь с делом не установлена. Передать на экспертизу».

Она выключила диктофон и посмотрела на кофе, который так и не сварила.

«Ты уверена, что хочешь вернуться?»

Нет. Но выбора не было.

К девяти Анна была в управлении.

Она шла по коридору, и люди расступались. Не из-за уважения — из осторожности. Она знала эту реакцию. Её считали холодной, жёсткой, неудобной. Ей это нравилось. Холодная – значит, не подпускает. Жёсткая — значит, не сломается. Неудобная — значит, не станет играть по чужим правилам.

Она вошла в свой кабинет, закрыла дверь и села за стол. Папка с делом Туманска лежала там, где она её оставила. Анна открыла её и начала читать заново — с первой страницы, медленно, вдумчиво.

Через полчаса в дверь постучали.

— Войдите.

Вошёл Соловьёв. Молодой, тридцать лет, в очках, с вечным выражением лёгкой паники на лице. Аналитик. Хороший, но не полевой. Он никогда не выезжал на места преступлений — и боялся этого.

— Анна Николаевна, — сказал он. — Мне сказали, что я беру дело 47-Б.

— Да, — сказала она. — Садись.

Он сел. Положил перед собой блокнот, ручку, планшет, как примерный студент.

— Я... я не уверен, что справлюсь, — сказал он.

— Справишься, — сказала Анна. — Ты аналитик. Твоя работа — не ловить, а находить связи. Вот здесь, — она подвинула к нему папку, — три эпизода. Женщины, все выжившие после насилия. Все убиты. Способ — удушение. Ни следов, ни отпечатков. Твоя задача — найти то, что я могла пропустить.

— А вы? — спросил он.

— А я еду в Туманск.

Соловьёв посмотрел на неё. В его глазах было что-то — не жалость, нет. Любопытство.

— Говорят, вы оттуда родом, — сказал он тихо.

Анна не ответила. Она встала, взяла сумку.

— Дело 47-Б не моё, но оно до сих пор не закрыто. Если что-то найдёшь — сразу звони, в любое время дня и ночи.

Она вышла, не оборачиваясь.

Громов ждал её в коридоре у лифта.

Он стоял, прислонившись к стене, с чашкой кофе в руке. Улыбался — той самой улыбкой, от которой у Анны сводило зубы.

— Уже уезжаешь? — спросил он.

— Поезд в восемь утра завтра. Сегодня я передаю дела.

— Я знаю, — сказал он. — Я проверял.

Анна остановилась и посмотрела на него

— Вы проверяли?

— Конечно, — сказал Громов, отталкиваясь от стены. — Я должен знать, чем занимаются мои сотрудники. Особенно когда они едут в командировку в... интересные места.

Он сделал шаг ближе. Анна не отступила.

— Туманск — не «интересное место», — сказала она. — Это город, где я выросла. И где погибла моя семья. Вы это знали, когда отправляли меня туда.

— Знал, — согласился он. — И что?

— И то, что это не командировка. Это наказание. За то, что я сказала «нет».

Громов усмехнулся. Отпил кофе. Посмотрел на неё поверх чашки.

— Верещагина, ты слишком много думаешь о себе. Мир не вращается вокруг твоего отказа. В Туманске действительно орудует банда. Местные не справляются. Ты — лучший профайлер в управлении. Всё сходится.

— Сходится, — повторила Анна. — Только вот странно: вы отправили меня туда через два часа после того, как я отказалась с вами ужинать. Совпадение?

— Совпадение, — сказал Громов. — Или, может быть, я просто хочу, чтобы ты немного проветрилась. Столица портит людей.

Он допил кофе, смял стаканчик и бросил в урну. Промахнулся, но не стал поднимать.

— Хорошей дороги, Верещагина, — бросил он, уже уходя, и, чуть помедлив, добавил: — И будь осторожна. Туманск — город маленький: там все всё знают… и всё помнят.

Он ушёл. Анна стояла в коридоре, смотрела на смятый стаканчик на полу и чувствовала, как внутри что-то медленно закипает.

Она не стала поднимать стаканчик. Она просто ушла.

Анна стояла у окна и смотрела на Москву. Город светился, гудел, жил. Он был безопасен, потому что здесь её никто не знал. Здесь она была Анной Верещагиной, следователем. Здесь у неё не было прошлого.

В Туманске у неё было только прошлое.

Она закрыла глаза. Перед ними снова возник дом — деревянный, двухэтажный, с верандой и вишнёвым садом. Мать на крыльце, в ситцевом халате, с полотенцем на плече. Отец у калитки, с газетой под мышкой. Брат — ему было шесть, он сидел на траве и строил что-то из палочек.

Анна открыла глаза.

Она больше не плакала об этом. Слёзы закончились много лет назад — или просто высохли, как высыхает всё, что горит слишком долго.

Поезд уходил в восемь утра.

Анна приехала на вокзал за полчаса. Купила кофе, села на скамейку у платформы. Люди вокруг спешили, обнимались, прощались. Здесь была обычная жизнь.

Она достала телефон, проверила почту. Не было ни одного сообщения не от Соловьева ни звонка от Громова.

Она открыла папку с делом Туманска.

Это было первое ограбление: инкассаторскую машину атаковали на выезде из города. Два охранника не успели даже выстрелить — они не видели лиц нападавших и не слышали, как подъехала их машина.

Второе ограбление произошло днём на центральной улице: трое налётчиков в масках сделали несколько выстрелов в воздух, схватили сумку и мгновенно исчезли. Камеры не зафиксировали номера их машины, а двенадцать свидетелей так ничего и не смогли вспомнить.

Третье ограбление стало самым дерзким: налётчики, переодетые в полицейскую форму, остановили инкассаторов прямо у поста ГИБДД, забрали деньги и уехали. Настоящий экипаж прибыл лишь спустя двадцать минут.

Анна листала страницы, и внутри что-то натягивалось, как струна.

Эти люди не боялись — они не просто грабили, а будто играли, уверенные в своей безнаказанности. Анна перевернула страницу и замерла, глядя на фотографию с места третьего ограбления: асфальт, машина, оцепление… и на асфальте — крошечная, почти незаметная деталь: подожжённая спичка.

По спине у неё пополз холод. Это была редкая серия спичек — та самая, которую она видела двенадцать лет назад на снимках из дела о пожаре, из её собственного дела. Анна закрыла папку и села в поезд.

Анна сидела у окна, смотрела на проплывающие мимо дома, деревни, поля. Москва закончилась быстро — как будто её и не было. Дальше пошли леса, редкие посёлки, реки. Россия — большая, тихая, равнодушная.

Она смотрела на своё отражение в тёмном стекле и думала: «Ты не должна была возвращаться». А где-то глубоко в памяти снова трещал огонь.

Глава 2. Приказ

Поезд прибыл в Туманск в половине третьего дня.

Анна вышла на перрон и остановилась. Вокзал был маленький, провинциальный: два пути, низкий навес, выцветшее расписание на стене. Пахло углём, дождём и мокрым асфальтом. Где-то кричала чайка — хотя до моря было километров двести.

Она стояла, сжимая ручку сумки, и ждала, когда внутри что-то ёкнет. Боль, страх, тоска — что угодно. Ничего не было, только пустота, ровная, как этот перрон.

«Ты не должна была возвращаться».

Записка. Она думала о ней всю дорогу. Кто мог оставить её в квартире? Замок цел, сигнализация не срабатывала. Или кто-то был там до неё — ждал. Или у кого-то был ключ. Мысль об этом была неприятной, но Анна отложила её в сторону. Сейчас было не до этого.

Она прошла через здание вокзала, вышла на привокзальную площадь. Город встретил её серым небом и мелким дождём. Люди шли мимо, не обращая на неё внимания. Обычный провинциальный город. Тихий и спокойный. Такой, каким она его помнила — только меньше, чем в детстве. Всё всегда меньше, чем в детстве.

Анна достала телефон и отыскала адрес отдела — до него было всего пять минут пешком. Такси она вызывать не стала: хотелось пройтись, прочувствовать город, уловить его ритм и запахи.

Она шла по улицам, и память возвращалась урывками. Вот здесь был книжный магазин — теперь аптека. Вот здесь — кафе, где они с матерью пили горячий шоколад — теперь пустое помещение с заклеенными окнами. Вот здесь — парк, где она гуляла с братом.

Она остановилась.

Парк был на месте. Те же деревья, те же скамейки, тот же фонтан — только воды не было. Анна смотрела на фонтан, и перед глазами возникла картинка: маленький Никита, шесть лет, в синей куртке, бежит к фонтану, смеётся, брызги летят во все стороны. Мать кричит: «Никита, не лезь!» А он уже по колено в воде, счастливый.

Анна отвернулась.

Дальше она шла быстрее, не глядя по сторонам. Дождь усилился, застучал по плечам, по лицу. Хорошо. Пусть смывает.

Отдел полиции Туманска располагался в старом двухэтажном здании на улице Ленина. Здание было выкрашено в жёлтый цвет, но краска облупилась, и под ней проглядывал серый бетон. На крыльце стоял полицейский в форме, курил, смотрел на неё с ленивым любопытством.

Анна поднялась по ступеням, вошла внутрь.

Внутри пахло бумагой, кофе и застоявшимся табаком. Дежурный за стеклянной перегородкой поднял на неё глаза.

— Верещагина, — сказала она, доставая удостоверение. — Из Главного управления. К майору Сычёву.

Дежурный посмотрел на удостоверение, потом на неё. Потом снова на удостоверение.

— Ждите, — сказал он и снял трубку.

Через минуту из кабинета на втором этаже вышел мужчина.

Лет сорока пяти, крепкий, с короткой стрижкой и усталыми глазами. Форменная рубашка мятая, галстук ослаблен. Он смотрел на Анну без удивления — как будто ждал её. Или как будто ждал кого-то другого и уже устал ждать.

— Верещагина? — спросил он. — Майор Сычёв. Пойдёмте.

Он не подал руки, не улыбнулся. Просто развернулся и пошёл наверх. Анна последовала за ним.

Кабинет Сычёва был маленький, забитый папками. На столе — компьютер, который, судя по пыли, включали редко. На стене — карта города с воткнутыми флажками. Три флажка. Места ограблений.

— Садитесь, — сказал Сычёв, кивнув на стул.

Анна села. Он сел напротив, сложил руки на столе.

— Значит, прислали, — сказал он. — Из самого управления специалиста по неуловимым.

— Именно так, — сказала Анна.

— И как вам у нас? — спросил он. — Уже успели оценить обстановку?

— Город как город, — сказала она. — Дождь.

Сычёв хмыкнул.

— Дождь здесь всегда. Привыкнете.

Он открыл ящик стола, достал папку. Толстую, потрёпанную, с загнутыми углами.

— Вот, — сказал он, положив её перед Анной. — Всё, что есть. Три ограбления. Ни свидетелей, ни улик. Местные оперативники прочесали всё, что могли. Ничего не нашли.

Анна открыла папку. Те же фотографии, что были в её деле — только здесь их было больше. Детальные снимки, протоколы, показания. Она начала листать.

— Кто-нибудь пострадал? — спросила она.

— Охранники? — Сычёв покачал головой. — Нет. Налётчики действуют аккуратно. Никого не убивают, даже не ранят. Просто забирают деньги и уходят.

— Странно, — сказала Анна.

— Что странно?

— Ограбления без жертв. Это не типично для банд. Обычно, когда люди идут на такое, они готовы к насилию. А эти... — она пролистала страницы, — они как будто играют по правилам. Как будто боятся запачкаться.

Сычёв смотрел на неё внимательно.

— Вы думаете, это не банда?

— Я думаю, это не обычная банда, — сказала Анна. — Люди, которые так работают, имеют подготовку. Военную или полицейскую. Они знают, как действует полиция. Они знают, где стоят камеры. Они знают, сколько времени нужно экипажу ГИБДД, чтобы приехать.

— Вы думаете, кто-то из наших? — спросил Сычёв тихо.

Анна посмотрела на него.

— Я думаю, что кто-то хорошо знает этот город. И хорошо знает людей, которые его охраняют.

Сычёв откинулся на спинку стула. Помолчал.

— Я работаю здесь двадцать лет, — сказал он. — Знаю всех. И знаю, что в моём отделе нет предателей.

— Я не сказала, что есть, — сказала Анна. — Я сказала, что кто-то знает систему. Это может быть кто-то из бывших. Кто-то, кто уволился. Или кто-то, кто никогда не служил, но имел доступ.

Сычёв кивнул медленно.

— Ладно, — сказал он. — Что вам нужно?

— Вот материалы по всем трём эпизодам: записи с камер и список свидетелей. И… — она ненадолго замолчала, собираясь с мыслями, — ещё дело о пожаре двенадцатилетней давности. Дом на улице Садовой.

Сычёв посмотрел на неё. В его глазах что-то изменилось — не удивление, нет. Что-то другое. Как будто он ждал этого вопроса. И боялся его.

— Дом Верещагиных, — сказал он. — Ваш дом.

— Да, — сказала Анна. — Мой дом.

Сычёв помолчал. Потом встал, подошёл к шкафу, открыл дверцу. Долго рылся в папках. Наконец достал тонкую, почти пустую папку.

— Здесь не так много материалов, — произнёс он, кладя папку перед Анной. — Дело закрыли спустя год — улик оказалось недостаточно. Пожар тогда сочли случайным: причиной назвали неисправность проводки.

— Проводки, — повторила Анна.

— Да, — сказал Сычёв. — А вы думаете, это было не случайно?

Анна открыла папку: фотографии сгоревшего дома, протоколы, показания соседей, заключение эксперта… И вдруг — снимок, которого она никак не ожидала увидеть. Маленький, с плохим качеством, но до боли узнаваемый. На нём был запечатлён участок за домом, а на земле виднелась крошечная, почти незаметная деталь.

Спичка.

Подожжённая спичка.

Анна смотрела на неё, и в горле становилось сухо.

— Откуда это? — спросила она.

— Что? — Сычёв подошёл, посмотрел через её плечо. — А, это. Эксперт сфотографировал всё, что нашёл. Спичка была в саду в метрах десяти от дома. Её не связали с пожаром — мало ли кто мог бросить.

— Её не связали, — сказала Анна. — А зря.

Она закрыла папку.

— Мне нужны все материалы — абсолютно все. И ещё я хочу поговорить с экспертом, который выезжал на место происшествия.

— Он уже на пенсии, — сказал Сычёв. — Но я найду его адрес.

— Спасибо.

Сычёв смотрел долго на неё.

— Верещагина, — произнёс он после долгой паузы. — Я знаю, кто вы. Знаю, что произошло с вашей семьёй. И понимаю: вы приехали сюда не только из-за этой банды.

Анна подняла на него глаза.

— И что?

— И то, что я не хочу, чтобы вы совались в прошлое, — сказал он. — Оно здесь не любит, когда его трогают. У нас тихий город. Мы привыкли жить спокойно. И если вы начнёте ворошить то, что было двенадцать лет назад...

— То что? — спросила Анна.

Сычёв помолчал.

— То, боюсь, нам всем придётся несладко, — сказал он.

Анна встала.

— Я здесь не для того, чтобы вам было сладко, майор, — сказала она. — Я здесь для того, чтобы найти тех, кто грабит ваш город. И если для этого мне придётся ворошить прошлое — я буду ворошить. Это моя работа.

Она взяла папки и вышла.

Сычёв смотрел ей вслед. Когда дверь закрылась, он медленно выдохнул, откинулся на спинку стула и посмотрел на карту города.

На карте было три флажка.

Он достал из ящика четвёртый — красный — и воткнул его в точку на улице Садовой.

Анна вышла из отдела и остановилась на крыльце.

Дождь кончился. Небо было серым, но светлым — как будто кто-то приглушил лампу. Воздух пах мокрым асфальтом и чем-то ещё — знакомым, тревожным.

Она посмотрела на улицу. Люди шли мимо, занятые своими делами. Машины проезжали, обдавая брызгами. Обычный город тихий и спокойный.

И где-то в этом городе — человек, который двенадцать лет назад сжёг её дом.

И, возможно, тот, кто сейчас грабит инкассаторов.

Анна достала телефон, набрала номер.

— Соловьёв? Это Верещагина. Я на месте. Слушай меня внимательно. Дело 47-Б — отложи. У меня здесь кое-что поинтереснее.

Она помолчала.

— Подними все архивы по пожарам за последние пятнадцать лет. Все, где были жертвы. Все, где фигурировала спичка. И ищи связи с Туманском.

Слушая меня. В моей квартире кто-то был. Оставил записку. Я сфотографировала, отправила тебе на почту. Проверь по базе – может кто-то всплывёт. И ещё: свяжитесь с экспертами, пусть проверяют квартиру на отпечатки. Ключ у хозяйки, но она не могла.

Она положила трубку и посмотрела на город.

«Ты не должна была возвращаться».

Она вернулась.

И теперь — она не уйдёт, пока не найдёт ответы.

Туманск.

Она закрыла глаза и позволила памяти вернуться

Ей было двенадцать. Август. Жара стояла такая, что даже птицы замолчали. Они с Никитой сидели на веранде, ели мороженое, и мать кричала из кухни. «Не перепачкаетесь!». Отец был на работе — он работал судьёй, рассматривал дела, которые Анна тогда не понимала. Она знала только, что папа приходит поздно, усталый и иногда говорит с мамой на кухне тихо, о чём-то серьёзном.

В тот вечер все были дома. Мать готовила ужин — что-то с грибами, Анна не помнила. Никита смотрел мультики в гостиной. Отец читал газету на веранде. Анна сидела в своей комнате, на втором этаже, и рисовала. Она рисовала дом — их дом, с верандой, с садом и вишневыми деревьями.

Потом погас свет.

Не сразу — сначала мигнул, потом погас. Анна помнила, как отец крикнул: «Пробки!». Как мать ответила: «Посмотрите в щитке!». Как Никита заплакал в темноте.

А потом — запах.

Бензин. Резкий, сладковатый. Он заполнил дом мгновенно, как будто кто-то вылил канистру прямо под окнами.

Отец выбежал на улицу. Анна слышала, как он кричит: «Горим! Выводи детей!».

Мать вбежала в комнату, схватила её за руку. «Аня, быстро! К выходу!». Они бежали по лестнице, и Анна видела, как огонь лижет стены внизу, как он поднимается, как он ест дерево, обои, шторы.

Они выбежали на улицу. Отец был уже там — он держал Никиту на руках. Никита плакал. Мать упала на колени, кашляла.

Анна стояла босиком на траве и смотрела, как горит её дом.

Потом был взрыв. Газовый баллон на кухне. Огонь вырвался наружу, и стена рухнула. Анна помнила, как отец закричала. Как мать бросилась к нему. Как Никита вырвался из рук и побежал обратно к дому.

Она помнила, как побежала за ним.

Она помнила, как схватила его за руку и потянула назад. Как что-то упало сверху — балка, кусок крыши, она не знала. Как Никита выскользнул, и как она осталась одна на траве, с обожжёнными руками, и смотрела, как огонь забирает всё.

Потом были врачи. И была тётя Вера — мамина сестра, которая приехала из другого города. А потом был пансионат, куда тётю Веру положили через год, когда она начала видеть лица в стенах.

Анна открыла глаза.

Глава 3. Туманск

Гостиница называлась «Заря».

Анна нашла её по навигатору — три квартала от отдела, на углу улицы Мира и Садовой. Двухэтажное здание с вывеской, где буква «З» давно погасла, и теперь гостиница называлась «аря». Анна посмотрела на это, хмыкнула и толкнула дверь.

Внутри пахло пылью и старым ковром. На ресепшене сидела женщина лет пятидесяти, с высокой причёской и глазами, которые видели всё и не удивлялись ничему.

— На неделю? — спросила она, не поднимая глаз от журнала.

— Пока не знаю, — сказала Анна. — Может, больше.

— Пятнадцатый номер, — сказала женщина, положив перед ней ключ. — Второй этаж. Горячая вода с шести до десяти утра и с шести до десяти вечера. Если нет — не обессудьте.

Анна взяла ключ.

— У вас тут тихо?

Женщина подняла на неё глаза. Впервые — с интересом.

— Тихо, — сказала она. — У нас всегда тихо. А вы, простите, кто? Не из отдыхающих.

— Следователь, — сказала Анна. — Из Главного управления по делу ограблений.

Женщина кивнула, как будто ждала этого.

— Ну, тогда удачи вам, — сказала она. — Только осторожнее тут. У нас тихо, но не потому, что все спят.

Анна посмотрела на неё.

— А почему?

Женщина промолчала. Потом сказала:

— Потому что все боятся.

Она вернулась к журналу, и Анна поняла, что разговор закончен.

Номер был маленький, с окном во двор и кроватью, которая скрипела при каждом движении. Анна бросила сумку на пол, открыла окно, закурила — привычка, от которой она не могла избавиться, хотя бросила три года назад. Сигарета была электронная, без дыма, но ритуал остался: достать, затянуться, выдохнуть.

Она смотрела во двор. Там были качели, песочница и бельевые верёвки с сохнущим бельём. Обычный двор.

Она достала телефон, проверила почту. Соловьёв прислал отчёт: в квартире нашли отпечатки. Не её. Пробили по базе — ничего. Человек без судимостей, без приводов. Или человек, который никогда не попадался.

Анна отложила телефон и достала папку с делом о пожаре.

Она читала её до полуночи. Протоколы, показания, заключения. Всё сходилось: случайность, неисправность проводки, трагическая случайность. Но Анна видела то, что не видели другие: спичка в саду. Фотография, которую никто не связал с делом.

Она перевернула последнюю страницу и наткнулась на список свидетелей. Соседи, пожарные, врачи. И одна фамилия, которую она знала.

Сычёв.

Майор Сычёв был в списке. Он был одним из первых, кто приехал на пожар. Он был тем, кто составил протокол. Он был тем, кто закрыл дело.

Анна закрыла папку.

Сычёв. Человек, который двадцать лет работает в этом городе. Человек, который знает всех, который не хотел, чтобы она ворошила прошлое.

Она посмотрела на часы, уже полночь. Она не спала почти сутки, но сна не было.

Она взяла куртку и вышла.

Улица Садовая была тихой.

Анна шла по ней, и память возвращалась с каждым шагом. Вот здесь был забор — теперь его нет. Вот здесь росли вишни — теперь пустырь. И здесь стоял их дом.

Она остановилась.

Дом сгорел двенадцать лет назад, но она всё ещё помнила его. Двухэтажный, деревянный, с верандой и резными наличниками. Мать любила наличники — говорила, что они делают дом живым. Отец смеялся, но каждый год подкрашивал их.

Теперь на этом месте был пустырь. Трава, бетонная плита, кусок кирпичной стены, который так и не убрали. И тишина.

Анна стояла на краю пустыря и смотрела. Ветер шевелил траву, и ей казалось, что она слышит треск огня. Но это был просто ветер.

Она достала сигарету, закурила.

— Ты часто здесь бываешь?

Голос раздался сзади. Анна обернулась.

Мужчина. Лет пятидесяти, в старой куртке, с собакой на поводке. Собака — дворняга, серая, с умными глазами. Мужчина смотрел на неё без враждебности, но с любопытством.

— Я здесь недавно, — сказала Анна.

— Я знаю, — сказал мужчина. — Я тебя помню, ты была маленькой. Но ты выжила.

Анна замерла.

— Вы... вы меня знаете?

— Я живу напротив, — сказал он, кивнув на дом через дорогу. — Меня зовут Пётр Ильич. Я был здесь в ту ночь и видел, как горел ваш дом.

Анна не отрывала от него взгляда, чувствуя, как в горле пересыхает.

— Вы что-нибудь видели? — спросила она едва слышно. — Хоть что-то странное?

Пётр Ильич помолчал, потом шагнул ближе — его собака тут же опустилась у его ног.

— Видел машину, — тихо проговорил он. — Чёрную, без номеров. Стояла за домом минут за десять до пожара. Я ещё тогда подумал: кому понадобилось приезжать так поздно?

— Вы говорили об этом полиции?

— Говорил, — кивнул он. — Записали и уехали, а потом дело закрыли. Сказали — проводка. Только я знаю, что дело не в проводке.

— Откуда вы знаете?

Пётр Ильич поднял на неё глаза — в них плескался страх, но сквозь него пробивалась твёрдая решимость.

— За неделю до пожара я видел, как ваш отец спорил с каким-то мужчиной. Они ругались. Отец кричал: «Я вас посажу!» А тот только бросил в ответ: «Ещё пожалеете».

Анна почувствовала, как холодеет внутри.

— Вы знаете, кто это был?

— Нет, — сказал Пётр Ильич. — Но я запомнил его. Высокий, седой, в дорогом пальто. Он приезжал на чёрной машине.

Он помолчал.

— Я говорил об этом вашему майору. Сычёву. Он записал, но ничего не сделал.

Анна смотрела на него. В голове было пусто и очень ясно.

— Спасибо, — сказала она. — Вы очень помогли.

Пётр Ильич кивнул.

— Будь осторожна, — сказал он. — Здесь не любят, когда вспоминают прошлое. И те, кто помнит, — быстро замолкают.

Он ушёл. Собака побежала за ним.

Анна осталась стоять на пустыре. Ветер шевелил траву, и где-то далеко, в глубине города, лаяла собака.

Она достала телефон, набрала номер.

— Соловьёв? Это Верещагина. Срочно. Подними дело о пожаре в Туманске. Двенадцать лет назад. Мне нужны все имена, которые фигурировали. Все, кто был в списке свидетелей. И особенно — те, кто был в списке подозреваемых.

Она помолчала.

— И ещё: проверь Майора Сычёва. Он вёл это дело. И он его быстро закрыл.

Она положила трубку и посмотрела на пустырь.

Она вернулась.

И теперь она знала: кто-то очень не хотел, чтобы она копалась в этом прошлом. Кто-то, у кого была власть. Кто-то, кто до сих пор был здесь.

Она повернулась и пошла обратно в гостиницу.

Глава 4. Местные

Утром Анна пришла в отдел к восьми.

Она не спала. Вернулась в гостиницу в половине второго, легла, но сон не шёл — в голове крутились слова Петра Ильича: «Высокий, седой, в дорогом пальто. Он приезжал на чёрной машине». Тот, кто угрожал её отцу, кого отец клялся посадить, и по чьей воле сгорел их дом..

Она выпила две чашки кофе в номере, приняла душ и пришла в отдел с твёрдым намерением не тратить время.

Дежурный на этот раз посмотрел на неё иначе — с узнаванием. Слух о том, что в городе появился столичный следователь, уже разошёлся.

— Майор у себя, — сказал он. — Вас ждёт.

Анна поднялась на второй этаж. Сычёв стоял у окна в своём кабинете, спиной к двери, с чашкой кофе в руке. Он не обернулся, когда она вошла.

— Доброе утро, — сказала Анна.

— Доброе, — ответил он, не поворачиваясь. — Кофе хотите?

— Уже пила.

Он наконец обернулся. Выглядел он хуже, чем вчера: глаза красные, щетина, рубашка ещё более мятая. Как будто не спал. Словно будто ждал чего-то.

— Я хочу поговорить с вашими людьми, — сказала Анна. — Со всеми, кто работал по ограблениям. И с теми, кто был на месте пожара двенадцать лет назад.

Сычёв поставил чашку на стол.

— Следователь Верещагина, — сказал он медленно. — Вы вчера сказали, что будете ворошить прошлое. Я надеялся, что вы передумаете.

— Я не передумала.

— Ясно. — Он сел за стол, сложил руки. — С кем хотите говорить?

— Со всеми. По одному.

Сычёв кивнул.

— Хорошо. Начнём с тех, кто работал по ограблениям. Лейтенант Ковалёв, старший оперативник. Он вёл все три эпизода. Потом — эксперт, который работал на месте. И дежурный, который принимал вызовы.

— Ковалёв? — переспросила Анна. — Фамилия знакомая.

— У нас тут половина города Ковалёвы, — сказал Сычёв. — Не думайте о совпадениях.

Анна посмотрела на него. Что-то в его голосе было — настороженность, что ли. Или предупреждение.

— Хорошо, — сказала она. — Начнём с Ковалёва.

Лейтенант Ковалёв оказался мужчиной лет тридцати пяти, с короткой стрижкой, крепкими плечами и глазами, которые смотрели прямо и не мигали. Он вошёл в кабинет, который ему выделили для разговора, сел напротив Анны и сложил руки на столе.

— Лейтенант Ковалёв, — сказал он. — Старший оперативник. Вёл все три эпизода.

— Знаю, — сказала Анна. — Расскажите мне о них всё, что помните.

Ковалёв помолчал. Потом начал.

Он излагал факты чётко, без лишних слов.

Первое ограбление — на выезде из города, в тёмное время суток. Налётчики возникли словно из ниоткуда: забрали деньги и тут же исчезли.

Второе произошло днём на центральной улице: трое в масках, несколько выстрелов в воздух — и преступники скрылись.

Третье ограбление стало самым дерзким: у поста ГИБДД налётчики, переодетые в полицейскую форму, остановили инкассаторов, забрали деньги и уехали.

— Вы заметили что-нибудь странное? — спросила Анна.

— Всё странное, — сказал Ковалёв. — Эти люди не оставляют следов. Ни отпечатков, ни ДНК, ни записей с камер. Как будто они знают, где стоят камеры. Как будто они знают, когда мы приедем.

— Вы думаете, кто-то из ваших?

Ковалёв посмотрел на неё. Прямо, без выражения.

— Я думаю, что кто-то хорошо знает этот город. И хорошо знает людей, которые его охраняют.

— Вы служили? — спросила она.

— Срочная, — сказал он. — Потом полиция десять лет.

— А кто-нибудь из ваших коллег? Кто-то, кто уволился? Кто-то, кто мог бы знать систему?

Ковалёв помолчал.

— Был один, — сказал он. — Сергей Морозов. Уволился три года назад. Ушёл в охрану, в частную фирму. Но он... он не такой.

— Не такой — какой?

— Не такой, чтобы грабить, — сказал Ковалёв. — Он был честным.

— Где он сейчас?

— Не знаю, — сказал Ковалёв. — Уехал из города, говорят, в область.

Анна записала имя.

— Спасибо, лейтенант. Вы свободны.

Ковалёв встал. У двери он обернулся.

— Следователь, — произнёс он, глядя ей прямо в глаза, и голос его прозвучал глухо, будто из-под земли. — Вы копаете в прошлое. Я это знаю. Да и все тут знают. Будьте осторожны… очень осторожны.

— Почему мне все это твердят? — тихо спросила Анна, и в её голосе скользнула не тревога даже, а какая-то усталая обречённость.

Ковалёв задержал на ней взгляд, будто взвешивая каждое слово, и наконец заговорил — медленно, чеканя слоги, словно вбивая гвозди:

— Потому что здесь не любят, когда прошлое ворошат. Слишком многое тут держится на том, что забыто. А ещё потому, что те, кто копает слишком глубоко… долго не задерживаются. Я видел, как люди исчезали после пары лишних вопросов. И не надо смотреть на меня так — я не пугаю, я предупреждаю.

Он помолчал, будто давая ей прочувствовать вес этих слов, потом резко повернулся и вышел, оставив после себя тяжёлую, звенящую тишину.

Следующим Анна встретилась с экспертом.

Его звали Виктор Павлович — шестьдесят два года, пять лет как на пенсии. Но когда Сычёв попросил его прийти, он не отказал. В кабинет вошёл сутулый мужчина в очках, крепко прижимая к боку папку, будто в ней хранилось что-то невероятно важное — будто она была единственным якорем в этом зыбком, чужом городе.

— Вы работали на месте пожара двенадцать лет назад? — спросила Анна.

— Работал, — сказал он. — Дом Верещагиных. Помню.

— Расскажите.

Виктор Павлович открыл папку. Достал фотографии.

— Пожар начался с веранды, — твёрдо произнёс Виктор Павлович, будто каждое слово давалось ему нелегко. — Именно там был очаг возгорания. Бензин, кто-то специально облил стену и поджёг. Проводка была в полном порядке — я лично всё проверял. Но в итоговом заключении чёрным по белому написали «неисправность».

— Кто написал?

— Майор Сычёв, — сказал Виктор Павлович. — Он подписал заключение. Я не подписывал. Я написал отдельное мнение, но его не приобщили.

Анна смотрела на него.

— У вас сохранилось это мнение?

— Всё сохранилось, — тихо, но твёрдо сказал он. — Я ничего не выбросил. — Виктор Павлович достал из папки потёртый, слегка помятый лист. — Вот, взгляните. Здесь всё: про бензин, очаг, спичку. Я тогда прямо писал — это поджог. Но меня никто не стал слушать.

Анна взяла лист, быстро пробежала глазами по строкам. Всё сходилось: поджог, бензин, спичка. Внизу стояла подпись: «Эксперт Виктор Павлович Орлов».

— Почему вы не стали настаивать? — спросила она, не отрывая взгляда от бумаги.

Виктор Павлович на мгновение замолчал, будто заново проживая тот день.

— Потому что мне позвонили, — произнёс он едва слышно. — И сказали: «Если не подпишешь нужное заключение — мы найдём, к чему придраться». У меня внуки… Я испугался.

Он поднял на неё глаза — в них застыла старая, въевшаяся в душу вина, словно незаживающая рана, о которой не говорят, но которая болит каждый день.

— Понимаю, это выглядит подло, — добавил он, чуть склонив голову. — Но тогда я просто не знал, что делать.

— Кто звонил? — тихо, но настойчиво спросила Анна.

— Не знаю, — покачал он головой. — Голос был искажён, будто через какой-то прибор. Но одно я запомнил чётко: они говорили «мы». Не «я». Именно «мы».

Анна медленно кивнула, словно укладывая эти слова в самую тёмную часть своей памяти.

— Спасибо, Виктор Павлович. Вы очень помогли.

Он встал. У двери обернулся.

— Следователь, — сказал он. — Я знаю, что вы дочь Верещагиных. Я знал вашего отца, он был хорошим человеком. Он пытался посадить тех, кто... — Он замолчал. — Я не знаю, кто они. Но он пытался.

— Спасибо, — сказала Анна.

Он вышел.

Третьим был дежурный.

Молодой парень, лет двадцати пяти, с глазами, которые бегали. Он вошёл, сел, и Анна сразу поняла: он боится.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Дима. Дмитрий.

— Дмитрий, вы принимали вызовы по ограблениям?

— Да. Все три.

— Расскажите.

Он рассказал. Всё то же самое: налётчики появились, забрали деньги, исчезли. Ни свидетелей, ни следов.

— Вы заметили что-нибудь странное? — спросила Анна.

Дима помолчал. Потом сказал:

— Странное — это не то слово. Я... я слышал один разговор.

— Какой разговор?

— После второго ограбления. Я был в дежурке, поздно. Думал, никого нет. И услышал, как кто-то говорит по телефону. В кабинете майора.

— Что он говорил?

Дима посмотрел на неё и в его глазах был страх.

— Он сказал: «Всё идёт по плану. Они ничего не найдут. Спичка — это для неё».

Анна замерла.

— Для неё? Для кого?

— Я не знаю, — сказал Дима. — Но он сказал «она приедет». И ещё: «Она не должна сюда вернуться».

Анна смотрела на него, и в голове было пусто.

— Вы уверены, что это был майор?

— Уверен, — сказал Дима. — Я узнал голос.

Анна кивнула.

— Спасибо, Дмитрий. Вы можете идти. И... — она помолчала. — Никому не говорите об этом разговоре.

— Я знаю, — сказал он. — Я не хочу умирать.

Он вышел.

Анна осталась сидеть. В кабинете было тихо и за окном шёл дождь.

«Спичка — это для неё».

Она достала телефон, набрала номер.

— Соловьёв? Это Верещагина. Мне нужна информация по майору Сычёву. Всё, что есть. И ещё: проверь, кто звонил ему после второго ограбления. И кто звонил эксперту Орлову двенадцать лет назад.

Она помолчала.

— И ещё: найди мне Сергея Морозова. Бывший полицейский, уволился три года назад. Он ушёл в частную охрану и мне нужно с ним поговорить.

Она положила трубку и посмотрела в окно.

Дождь усиливался. Город молчал.

«Ты не должна была возвращаться».

Она вернулась.

И теперь она знала: Сычёв знал. Сычёв был частью этого, и он ждал её.

Глава 5. «Призраки»

Анна вернулась в гостиницу в семь вечера.

Она не пошла в отдел — не хотела видеть Сычёва. Только не сегодня. Сегодня ей нужно было подумать.

Она поднялась в номер, закрыла дверь, достала папку и разложила всё на кровати. Фотографии, протоколы, показания. Три ограбления. Один пожар. И одна спичка — одна и та же, везде.

Она села на пол, скрестив ноги, и начала выстраивать картину.

Анна медленно выстроила в голове цепочку, и от этой собранной воедино картины по спине пробежал ледяной холодок.

Сначала — ограбления. Три эпизода, и в каждом — пугающая, почти безупречная точность. Ни следов, ни свидетелей, ни записей с камер: налётчики словно заранее знали, где они стоят. Они знали, когда приедет ГИБДД, знали, как выстроен маршрут инкассаторов, понимали все слабые места системы. Вывод напрашивался сам собой: за этим стоит кто-то из системы — или тот, кто когда-то в ней был, кто до мельчайших деталей помнит, как всё устроено.

Потом — пожар двенадцатилетней давности. Теперь, с документами Орлова в руках, картина становилась отчётливее: бензин, очаг на веранде, спичка. Эксперт не оставлял места для сомнений — это был поджог. Но в официальном заключении значилась «неисправность проводки». Сычёв подписал ложный вывод. Орлов знал правду, пытался её отстоять, но ему позвонили, запугали, заставили молчать. Значит, Сычёв был частью этого — либо сознательно прикрывал преступление, либо сам оказался в тисках чужой воли. А может, и то, и другое сразу.

И наконец — тот звонок, о котором рассказал Дима. Сычёв говорил по телефону: «Спичка — это для неё. Она не должна была возвращаться». Эти слова звенели в голове, как приговор. Сычёв знал, что Анна приедет. Знал, что она начнёт копать. И понимал, что спичка — не случайная деталь, а знак. Личный, адресованный именно ей.

Анна сжала кулаки, чувствуя, как кусочки мозаики складываются в единую, мрачную картину: ограбления, поджог, прикрытые улики, угрозы, чужой расчётливый голос по телефону — и везде, словно тень, тянется одна и та же рука.

Анна не сводила глаз с фотографии спички — маленькой, обгоревшей, почти незаметной. Она была точь-в-точь как та, что мелькнула на снимке из дела о пожаре. В груди шевельнулось нехорошее предчувствие, холодное и цепкое: кто-то оставлял эти спички намеренно, кто-то знал, что она приедет, и хотел, чтобы она их нашла. Будто её вели по этому следу шаг за шагом.

Дрожащими пальцами Анна достала телефон и набрала Соловьёва. Гудок тянулся невыносимо долго, но вот он ответил — и в его голосе Анна сразу услышала ту самую напряжённую собранность, которая бывает только у человека, который наткнулся на что-то по-настоящему страшное.

— Соловьёв? Это Верещагина. Что у тебя?

— Анна Николаевна, — выдохнул он, будто только и ждал этого звонка. — Я поднял архивы. За последние пятнадцать лет — двенадцать пожаров с жертвами, в разных городах. И везде — спичка. Та же серия.

Анна застыла, и время будто сплюснулось в одну звенящую секунду. Мир вокруг на миг перестал существовать — остались только эти слова, тяжёлые, как камни.

— Двенадцать? Ты уверен? — прошептала она, хотя уже знала ответ.

— Уверен. Я всё перепроверил по три раза. Дела закрыты: везде «неисправность проводки» или «несчастный случай». Но спичка есть на фото в каждом из них. Просто раньше никто не связывал эти точки. Никто не смотрел достаточно внимательно.

— Кто вёл эти дела? — спросила Анна, уже догадываясь, что ответ ей не понравится, и всё равно надеясь, что это окажется совпадением.

— Разные следователи, разные города, — отозвался Соловьёв. — Но есть один общий знаменатель.

— Какой? — почти выдохнула она, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел.

— Все эти города — небольшие. И в каждом были ограбления инкассаторов. Те самые: без следов, без свидетелей, будто преступники знали систему изнутри, как в Туманске.

Анна закрыла глаза, позволяя этим фактам уложиться в голове, выстроиться в единую, пугающе чёткую картину. Линии соединялись, образуя мрачный узор: пожары, ограбления, закрытые дела, спички, которые никто не замечал.

— Ты хочешь сказать, что это одна и та же группа? Действует по всей стране? — голос её прозвучал неожиданно ровно, будто спокойствие было единственной броней, которая у неё осталась.

— Похоже на то, — тихо подтвердил Соловьёв, и в этой тишине было больше ужаса, чем в любом крике. — Но есть ещё кое-что. Я проверил Морозова, бывшего полицейского, о котором вы говорили.

— И?

— Он числится мертвым. Погиб в автокатастрофе два гола назад. Но тело не тело найдено.

Анна помолчала.

— не найдено — значит, может жив.

— Может, — согласился Соловьев — и ещё: я проверил Сычёва. Он был в спичке свидетелей по пожару. Но и не только. Он был в списке подозреваемых по другому делу— тоже пожар, за год до вашего. Тогда ничего не доказали.

— Кто был ещё в списке?

— Я отправил вам на почту. Там несколько имен, но одно повторяется. Мужчина, высокий, худой, седой и без имени. Просто «неустановленное» лицо.

Анна открыла почту. Посмотрела на список. Да там повторялось одно имя, без имени, только описание. Высокий, седой — совпадало с тем, что сказал Пётр Ильич. И еще

— Морозов был на месте пожара в ту самую ночь, — продолжил Соловьёв, и в голосе его прозвучала тяжесть, будто каждое слово приходилось вытаскивать из самой глубины архивов — и из памяти. — Он оказался одним из первых, кто туда приехал. Видел эту спичку. И запомнил. Навсегда.

Анна почувствовала, как по спине пробежал ледяной озноб — не от холода, а от того, как точно и безжалостно складывались детали. Значит, был человек, который всё видел с самого начала. Тот, кто стоял у самого края огня и успел разглядеть главное.

— Он что-нибудь делал с этой уликой? — спросила она, стараясь говорить ровно, хотя внутри всё дрожало от напряжения. — Зафиксировал? Доложил?

Соловьёв помолчал, будто подбирая слова, чтобы не разбить хрупкую надежду.

— Доложил, — наконец сказал он. — Но рапорт ушёл «в стол». А потом Морозова тихо отстранили от дела. Официально — по состоянию здоровья. Неофициально… люди шептались, что ему посоветовали не лезть дальше.

Анна закрыла глаза, на секунду прижимая пальцы к вискам, словно так могла удержать в голове эту лавину фактов. Морозов видел спичку. Он запомнил. И его заставили замолчать.

— Спасибо Соловьёв — сказала она. — Держи меня в курсе.

Она положила трубку.

— Анна сжала телефон крепче, словно он мог удержать её на краю пропасти.

В дверь постучали.

Анна замерла и посмотрела на часы: кто мог прийти?

Она встала и подошла к двери, посмотрела в глазок.

За дверью стоял Сычёв.

Он был один. Без формы, в куртке и смотрел прямо в глазок, как будто знал, что она смотрит.

Анна открыла дверь.

— Майор, — сказала она. — Поздно.

— Знаю, — сказал он. — Можно войти?

Она не отступила.

— Зачем?

— Поговорить. — Он помолчал. — Не так как майор, как человек.

Анна смотрела на него. В его в глазах не было враждебности. Была усталость. И что-то еще — вина, может быть.

Она уступила.

— Проходите.

Он вошёл, осмотрелся. Увидел разложенные на кровати бумаги, фотографии, папки. Не сказал ничего. Сел на стул у окна.

— Вы знаете, зачем он здесь, — сказал он.

— Знаю, — сказала Анна. — А при чём здесь я? Почему он ждал меня?

Вы знали, что я приеду и я буду копать, еще знали про спичку.

Сычёв кивнул.

— Знал.

— Почему не остановили меня?

— Потому что не мог, — сказал он. — Вы не из тех, кого можно остановить.

Анна села на край кровати, напротив него.

— Расскажите мне всё, — сказала она. — С самого сначала. Кто сжег мой дом? Кто грабит инкассаторов? И кто вы в этой истории?

Сычёв помолчал. Потом достал из кармана сигарету, посмотрел на неё, убрал обратно.

— Я не знаю, кто сжёг ваш дом, — сказал он. — Я знаю только,

что это был поджог. Я зал это с самого начала. Но мне приказали закрыть дело.

— Кто приказал?

— Человек, которого я не могу назвать, — сказал Сычёв. — Потому что я не знаю его имени. Я знаю только его голос. Он звонил мне. И сказал: «закрой дело, иначе твоя семья пострадает» У меня жена, двое детей. Я просто испугался.

Анна смотрела на него.

— Вы испугались, — повторила она. — Мой отец, мать, и брат сгорели.

— Я знаю, — сказал Сычёв тихо. И живу с этим двенадцать лет каждый день.

— Это не оправдание.

— Я не оправдываюсь, — сказал он. — Я объясняю. Есть разница.

Он помолчал.

— Я пытался копать. Тихо, осторожно. Но каждый раз, когда я подходил близко, кто-то умирал. Свидетель. Эксперт. Полицейский. Я понял: они следят. Они знают, что я делаю. И если я продолжу — моя семья будет следующей.

— И вы остановились.

— Я остановился, — сказал Сычёв. — И стал тем, кем стал. Майором, который закрывает дела и не задаёт вопросов.

Анна встала. Подошла к окну. За окном шёл дождь.

— А ограбления? — спросила она. — Вы знаете, кто их совершает?

— Догадываюсь, — сказал Сычёв. — Но не могу доказать.

— Кто?

— Морозов, — сказал он. — Сергей Морозов. Бывший оперативник. Он уволился три года назад, ушёл в частную охрану. А потом исчез.

— Мне сказали, что он погиб.

— Так написано в отчёте, — сказал Сычёв. — Но тела не нашли. И я думаю, что он жив. И что он — лидер этой банды.

— Почему вы так думаете?

— Потому что он знает систему, — сказал Сычёв. — Он знает, где стоят камеры. Знает, когда приедет ГИБДД, как работают инкассаторы. И он знает про спичку.

Анна обернулась.

— Про спичку?

Сычёв кивнул.

— Морозов был на месте пожара. В ту ночь. Он был одним из первых, кто приехал. Он видел спичку. И он запомнил.

Анна смотрела на него.

— Вы хотите сказать, что Морозов оставляет спички? Как знак?

— Как подпись, — сказал Сычёв. — Он оставляет их на всех ограблениях, как будто говорит: «Это я. Попробуйте поймать».

Анна помолчала.

— А при чём здесь я? Почему он ждал меня?

Сычёв посмотрел на неё. В его глазах было что-то — жалость, может быть. Или страх.

— Потому что вы — единственная, кто выжил, — сказал он. — В ту ночь. В вашем доме. Он видел вас. Маленькую девочку, которая стояла на траве и смотрела, как горит её дом. Он запомнил вас. И когда он узнал, что вы стали следователем — он начал ждать.

— Ждать чего?

— Ждать, когда вы приедете, — сказал Сычёв. — Он хочет с вами встретиться. Он хочет... — Сычёв помолчал. — Он хочет закончить то, что начал.

Анна смотрела на него.

— Он хочет меня убить?

— Нет, — сказал Сычёв. — Он хочет с вами поговорить. Он хочет, чтобы вы поняли. Он хочет... — Сычёв вздохнул. — Я не знаю, чего он хочет. Но он ждёт вас. И он оставляет спички, чтобы вы знали: он здесь.

Анна помолчала. Потом сказала:

— Вы знаете, где он?

— Нет, — сказал Сычёв. — Но я знаю, где он был. У него был дом за городом. Хутор. Я могу показать.

— Покажите, — сказала Анна. — Завтра. В шесть утра.

Сычёв кивнул. Встал.

— Верещагина, — сказал он. — Я знаю, что вы мне не верите. И правильно. Но я хочу, чтобы вы знали: я не враг. Я просто трус. И я хочу это исправить. Пока не поздно.

Он вышел.

Анна осталась стоять у окна. Дождь стучал по стеклу, и где-то далеко, в глубине города, лаяла собака.

«Он хочет с вами встретиться».

Она посмотрела на фотографию спички.

«Он хочет закончить то, что начал».

Она закрыла глаза.

Завтра она поедет на хутор. И, возможно, найдёт ответы.
Или — новые вопросы.

Глава 6. Первый свидетель

В шесть утра Анна стояла у крыльца отдела.

Дождь прекратился ночью, но воздух был мокрый, тяжёлый, как будто город так и не высох. Сычёв вышел через минуту — в куртке, с термосом в руке. Молча протянул его Анне.

— Кофе, — сказал он. — В такую рань без кофе нельзя.

Анна взяла термос. Открыла, глотнула, он был крепким и без сахара.

— Вы знаете, какое я люблю кофе, — сказала она.

— Я много чего знаю, — ответил Сычёв. — Поехали.

Машина была старая, «Нива», с пропылённым салоном и запахом бензина. Сычёв сел за руль, Анна — рядом. Они выехали из города и свернули на грунтовку, которая уходила в лес.

— Далеко? — спросила Анна.

— Километров пятнадцать от города, — пояснил Сычёв, глядя куда-то в сторону, будто мысленно прокладывал маршрут. — Хутор старый, неприметный. Раньше там жил лесник, тихий такой старик. Потом он умер, и дом долго стоял пустой, будто сам город о нём забыл. А два года назад его купил Морозов.

— Под своим именем?

— Под чужим, — сказал Сычёв. — Но я проверял. Это он.

Они ехали в тишине, и только мерный стук дождя по крыше машины нарушал эту напряжённую тишину. За окном мелькали сосны — тёмные, насквозь промокшие, будто сами тянулись к земле от тяжести сырости. Серое небо нависло низко, почти касаясь верхушек деревьев. Анна не отрывала взгляда от дороги, но мысли её были далеко: она снова и снова прокручивала в голове, что скажет Морозов, если они его найдут — и что он скажет ей.

— Майор, — наконец нарушила она молчание, голос прозвучал чуть хрипловато, будто слова давались с усилием. — Вы говорили, что Морозов был на месте пожара в ту ночь. Вы его видели?

Сычёв помолчал, будто взвешивая, стоит ли вытаскивать из памяти те старые, покрытые пылью образы.

— Видел, — негромко ответил он. — Он приехал одним из первых. Я тогда ещё подумал: странно. Он ведь не был на дежурстве. А примчался, будто его туда магнитом тянуло. Сказал, что услышал по рации. Но что-то в этом было… не то.

— И что он делал? — настойчиво спросила Анна, вглядываясь в его профиль, будто пытаясь прочесть между строк.

— Смотрел, — просто сказал Сычёв. — Просто стоял и смотрел. На огонь. На дом. На вас.

Анна будто оцепенела, каждое слово ударяло точно в самое сердце.

— На меня?

— Вы стояли на траве, — тихо продолжил Сычёв, и голос его стал каким-то отстранённым, словно он снова видел ту картину перед глазами. — Босиком, в пижаме. Смотрели на огонь — будто не могли поверить, что это происходит. А он стоял чуть в стороне и не сводил с вас глаз. Я запомнил его лицо. Оно было… странным. Не испуганным, не растерянным. Как будто он видел что-то важное — то, что остальным было не разглядеть.

— Почему вы не сказали об этом раньше? — в голосе Анны не было упрёка, только горькая усталость.

— Потому что тогда я не думал, что это важно, — признался Сычёв, и в этих словах прозвучала тяжесть прожитых лет. — Я считал, он просто свидетель. Потом дело закрыли, всё закрутилось, а потом… я и правда забыл. Отложил куда-то глубоко, чтобы не мешало жить.

Анна смотрела на него, и в её взгляде не было осуждения — только понимание того, как легко прошлое прячется за рутиной.

— Вы знали, что он оставляет спички? — спросила она ровно, будто проверяя, сколько ещё правды он готов ей отдать.

— Догадывался, — признался Сычёв. — Когда начались ограбления, я стал замечать эти спички на фото с мест преступлений. Сначала не связал. А потом вспомнил пожар. И Морозова. Всё начало складываться в одну картину — и от неё становилось не по себе.

— И вы ничего не сделали.

— Я не мог, — тихо, но твёрдо произнёс он, и впервые в его голосе прозвучала не оправдание, а боль. — Если бы я начал копать, меня бы просто стёрли. Вы же понимаете, как это работает.

Анна понимала. Слишком хорошо.

Сначала в плотной стене леса мелькнул узкий просвет. Потом показался покосившийся забор — доски потемнели, кое-где выпали, будто дом давно перестал кого-либо оберегать. А следом возник сам дом: старый, деревянный, с провалившейся крышей и забитыми досками окнами. Рядом притулился сарай — такой же ветхий, с дырявой кровлей, будто время нарочно собирало здесь всё, что успело состариться и стать никому не нужным.

Сычёв остановил машину примерно в пятидесяти метрах от дома, не доезжая до поворота, где дорога терялась в высокой траве.

— Дальше пешком, — тихо сказал он, будто даже голос мог кого-то спугнуть. — Чтобы не выдать себя раньше времени.

Они вышли из машины. Холодный воздух тут же пробрался под одежду, но Анна почти не замечала этого. Она достала пистолет, проверила магазин, передёрнула затвор — движение вышло чётким, отработанным, без лишней суеты. Сычёв сделал то же самое, его лицо стало жёстким, будто он снова вернулся в те дни, когда каждое решение могло стоить жизни.

— Вы думаете, он там? — спросила Анна, не отрывая взгляда от дома.

— Не знаю, — честно ответил Сычёв. — Но лучше быть готовыми ко всему.

Они двинулись к дому. Высокая мокрая трава цеплялась за ноги, доходя почти до щиколоток, и с каждым шагом ботинки тяжелели от влаги. Анна не обращала на это внимания — всё её внимание было приковано к дому, к его неподвижности, к этой странной, неестественной тишине. Ни лая собаки, ни крика птицы, ни даже шороха ветра в листве — будто весь мир вокруг замер в ожидании.

Подойдя к сараю, Сычёв осторожно толкнул дверь. Та распахнулась с протяжным скрипом, будто протестовала против того, что её потревожили.

Внутри пахло бензином, машинным маслом и ещё чем-то — затхлым, старым, будто воздух здесь не менялся годами. Анна шагнула внутрь первой, держа пистолет наготове, но взгляд её сразу скользнул не по углам, а вглубь, туда, где за старым покрывалом угадывался стол.

Сарай был забит хламом: старые покрышки, ржавые канистры, груды железного лома, будто сюда свозили всё, что жалко выбросить, но уже невозможно использовать. Но в дальнем углу, за покрывалом, стоял стол — и на нём лежали вещи, разложенные с пугающей аккуратностью.

Анна подошла ближе.

На столе были карты — несколько штук: Туманск и окрестности. По всей их поверхности змеились пометки: кружки, стрелки, даты. Три места были обведены красным — те самые точки, где произошли ограбления.

Рядом лежал блокнот. Анна открыла его. Страницы были исписаны мелким, ровным, почти каллиграфическим почерком: даты, точное время, маршруты инкассаторов, смены охраны — всё, что нужно, чтобы спланировать преступление до последней секунды.

А ещё — фотографии. Много фотографий. На одних — женщины, чьи лица были ей незнакомы. На других — она сама.

Анна замерла, глядя на снимок, сделанный двенадцать лет назад. Маленькая девочка, босиком, в пижаме, стоит на траве и смотрит на огонь — в её взгляде застыли шок и непонимание, будто она никак не могла поверить, что мир способен так резко стать чужим и страшным.

Она смотрела на эту фотографию, и внутри всё сжималось, будто прошлое вдруг прорвалось сквозь годы и схватило её за горло.

— Он хранил это, — прошептала Анна, голос прозвучал непривычно глухо, будто слова давались с трудом.

Сычёв подошёл и заглянул через её плечо, его лицо потемнело.

— Он собирал, — тихо произнёс он. — Всё это время. Не просто факты, не просто улики — он собирал историю. Чью-то историю. Вашу.

Анна перевернула фотографию. На обороте аккуратным почерком было выведено: «Она выжила. Она — доказательство».

— Доказательство чего? — спросила она, чувствуя, как в груди разрастается холодная пустота.

Сычёв не ответил. Его молчание было громче любых слов.

Они продолжили осмотр. В ящике стола нашлись спички — много спичек, аккуратно уложенных в коробку. Та же серия, что мелькала на снимках с мест преступлений, та же, что лежала на фото с пожара.

— Он готовился, — сказала Анна, и в её голосе не было ни страха, ни спешки — только холодная ясность. — К следующему ограблению.

— Или к встрече, — тихо отозвался Сычёв.

Анна резко повернулась к нему.

— С кем?

— С вами, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Он ждал, что вы придёте. И, кажется, он знал, что это случится.

Они вышли из сарая.

Анна держала в руках блокнот и фотографии. Сычёв — коробку со спичками.

— Надо вызвать группу, — сказала Анна. — Оцепить всё и собрать все отпечатки.

— Здесь нет связи, — сказал Сычёв. — Надо ехать в город.

Анна кивнула.

Они пошли обратно к машине. И тут Анна остановилась.

— Майор.

Сычёв обернулся.

— Что?

Анна не сводила глаз с земли. У самого края дороги, в вязкой грязи, лежала маленькая деталь — подожжённая спичка. Она была свежей: ещё не успела размокнуть под дождём, будто её бросили совсем недавно.

— Он был здесь, — тихо сказала Анна, и в её голосе прозвучала не догадка, а холодная уверенность. — И совсем недавно.

Сычёв подошёл, посмотрел на спичку, потом обвёл взглядом тёмный, непроницаемый лес. Деревья стояли плотной стеной, будто прятали за собой чью-то тень.

— Он рядом, — произнёс Сычёв едва слышно, словно боялся, что его услышат. — И он наблюдает.

Анна подняла голову. Лес был густым, мрачным, чужим. Где-то там, за стволами деревьев, кто-то смотрел на них. Она вдруг отчётливо почувствовала этот взгляд — тяжёлый, внимательный, будто прицельный.

— Уходим, — резко сказала она. — Быстро.

Они бросились к машине. Сычёв рванул ключ в замке зажигания, «Нива» взвыла мотором и сорвалась с места, подпрыгивая на кочках грунтовки.

Анна смотрела в боковое зеркало. Лес стремительно отдалялся, но ей всё равно казалось, что она видит фигуру: высокий мужчина стоит на опушке и не сводит с них глаз.

— Он был там, — выдохнула она.

— Кто? — переспросил Сычёв, не отрывая взгляда от извилистой дороги.

— Морозов, — твёрдо сказала Анна. — Это он стоял там. Смотрел на нас.

Сычёв ничего не ответил. Машина тряслась на ухабах, мотор гудел, будто пытался заглушить нарастающее напряжение.

— Знаете, что самое странное? — наконец заговорила Анна, стараясь уложить мысли в ровный ряд. — Он оставил всё это: карты, блокнот, фотографии. Словно специально хотел, чтобы мы их нашли.

— Может, и хотел, — отозвался Сычёв. — Может, это и есть его план. Это его игра.

— Какая игра? — Анна повернулась к нему, в голосе звенела напряжённая требовательность.

Сычёв помолчал, подбирая слова так, будто от них зависело слишком многое.

— Он хочет, чтобы вы его нашли, — негромко произнёс он. — Но не хочет, чтобы вы его поймали. Он хочет, чтобы вы поняли, дошли до самой сути.

— Поняли что? — почти прошептала Анна, чувствуя, как внутри разрастается ледяная пустота.

— Я не знаю, — честно признался Сычёв. — Но думаю, вы узнаете. Когда наконец встретитесь с ним лицом к лицу.

В город они вернулись спустя час. Дождь к тому времени стих, но воздух оставался тяжёлым, пропитанным влагой и предчувствием.

Анна сразу направилась в отдел — ей нужно было срочно позвонить Соловьёву. Сычёв остался в машине: сказал, что ему надо подумать, привести мысли в порядок.

— Соловьёв? Это Верещагина, — сказала Анна, едва сдерживая дрожь в голосе. — Я нашла логово Морозова. Хутор за городом. Там всё: карты, блокнот с маршрутами, фотографии… и спички. Много спичек. Как будто он собирал их годами.

— Анна Николаевна, — голос Соловьёва звучал непривычно серьёзно, будто он уже знал, что сейчас скажет, и сам не хотел произносить эти слова. — Я проверил Морозова. У него была жена. Ольга Морозова. Она погибла при пожаре. Двенадцать лет назад. В Туманске. За два месяца до пожара в вашем доме.

Анна застыла, трубка будто стала тяжелее в её руке. Мир на секунду сузился до одной точки — до этих слов, которые ударили точно в самое уязвимое место.

— Что? Какая жена? — переспросила она, хотя услышала всё чётко. Просто эти слова не хотели укладываться в голове.

— Ольга Морозова, — повторил Соловьёв. — Погибла при пожаре. Дело закрыли по стандартной схеме: «неисправность проводки». Как и все остальные.

Анна молчала.

— Анна Николаевна?

— Я здесь, — тихо, почти без интонации произнесла Анна, будто эти два слова были единственным, что удерживало её от падения в пропасть. — Значит, Морозов потерял жену в пожаре. А спустя два месяца сгорел мой дом. И он был там.

— Похоже на то, — сдержанно отозвался Соловьёв, и в его голосе не было ни удивления, ни лишних эмоций — только тяжёлое принятие того, что мозаика наконец складывается.

Анна закрыла глаза, будто так могла удержать перед внутренним взором все эти разрозненные фрагменты, не дать им рассыпаться.

— Он не просто поджигатель, — медленно проговорила она, подбирая каждое слово, словно проверяя его на прочность. — Он либо мстил… — Она запнулась, на секунду повисла тишина, в которой слышалось только её неровное дыхание. — Либо искал того, кто сжёг его жену. И, кажется, нашёл.

— Вы полагаете, он знает, кто это был? — спросил Соловьёв, голос его звучал настороженно, будто он боялся спугнуть эту хрупкую версию, но и не мог её игнорировать.

— Думаю, да, — твёрдо сказала Анна, и в этом «да» прозвучала не уверенность, а решимость держаться за эту мысль, как за единственный ориентир. — И ещё я думаю, что он хочет мне всё рассказать. Не кому-то, не следствию — мне.

Она положила трубку, пальцы на мгновение задержались на корпусе телефона, будто не хотели отпускать последнюю ниточку разговора. Потом подняла взгляд на окно.

Дождь снова пошёл — мелкими, серыми, бесконечными каплями, будто небо решило смыть с города все следы, все намёки, все подсказки.

«Он хочет, чтобы вы поняли», — пронеслось в голове, чужим голосом Сычёва, но теперь эти слова звучали не как догадка, а как ключ.

Она начинала понимать.

Глава 7. Ольга

Анна вышла из отдела в половине двенадцатого, но домой не пошла. Вместо этого она свернула на улицу Мира, прошла два квартала и остановилась у старого двухэтажного здания с вывеской «Городская библиотека». Дождь стих, но воздух оставался влажным, и лужи под ногами отражали серое небо, как разбитые зеркала.

Внутри пахло пылью и старой бумагой. За стойкой сидела женщина лет шестидесяти, с очками на цепочке и взглядом, который, казалось, видел всех, кто входил в эти двери, за последние тридцать лет.

— Мне нужны архивы местной газеты, — сказала Анна, показав удостоверение. — За последние пятнадцать лет.

Женщина посмотрела на удостоверение, потом на Анну.

— Подшивки в подвале, — сказала она. — Но туда нужно записываться. У нас очередь.

— Это важно, — сказала Анна. — Я ищу информацию о пожаре. Двенадцать лет назад. Дом на Садовой.

Женщина замерла. Её глаза расширились — совсем чуть-чуть, но Анна заметила.

— Дом Верещагиных, — тихо сказала женщина. — Я помню. Мы тогда всей библиотекой... — она замолчала, подбирая слова. — Соболезнования. Мы все знали вашего отца. Он был хорошим человеком.

— Спасибо, — сказала Анна. — Мне нужны подшивки за тот год. И ещё — за два месяца до пожара.

Женщина кивнула.

— Пойдёмте. Я провожу.

Подвал был низкий, с бетонными стенами и лампой, которая мигала, как будто вот-вот погаснет. Женщина подвела Анну к стеллажу с подшивками, показала нужные годы и оставила одну.

Анна села за стол, включила настольную лампу и начала листать.

Газеты были старые, пожелтевшие, с пятнами от воды. Анна искала одно — имя. Ольга Морозова. И нашла его на третьей странице номера за август, за два месяца до пожара в её доме.

«В ночь на 14 августа на улице Лесной произошёл пожар. Погибла местная жительница Ольга Морозова, 29 лет. Причина возгорания — неисправность электропроводки. Следствие продолжается».

Анна перечитала абзац трижды. Потом достала блокнот и записала: «Ольга Морозова, 29 лет. Улица Лесная. Пожар — август, за два месяца до нашего. Причина — та же формулировка».

Она отложила подшивку и взяла следующую. За сентябрь и октябрь. Она искала продолжение — что-то, что могло бы объяснить, почему дело закрыли так быстро, почему Морозов остался один, почему он начал мстить.

Нашла в номере за октябрь. Маленькая заметка внизу страницы, почти незаметная:

«Следствие по делу о пожаре на улице Лесной завершено. Причина — неисправность проводки. Виновных нет».

И всё. Ни имён, ни подробностей. Только сухая строчка, которая перечеркнула жизнь человека.

Анна закрыла подшивку.

Она сидела в тишине подвала, и в голове было пусто и очень ясно. Ольга Морозова погибла так же, как её семья. Тот же почерк, та же формулировка, та же спичка — всё сходилось, будто кто-то нарочно оставлял эти метки, чтобы их рано или поздно заметили. И Моро-

зов всё знал. Он своими глазами видел, как систему ловко подводили под удобные выводы, как правду прятали за сухими строчками протоколов, как дела закрывали одним росчерком пера.

И тогда он решил: если система не даст справедливости, он добудет её сам. Любой ценой. Своими силами, по своим правилам — потому что для него это уже не про расследование, а про долг перед той, кого он потерял.

Анна поднялась наверх.

— Спасибо, — сказала она женщине за стойкой. — Вы очень помогли.

Женщина кивнула, но когда Анна уже была у двери, окликнула её:

— Следователь.

Анна обернулась.

— Я знала Ольгу, — тихо сказала женщина. — Она работала здесь в библиотеке. Мы были... подругами.

Анна замерла.

— Расскажите, — сказала она, вернувшись к стойке. — Пожалуйста.

Женщина помолчала, потом сказала:

— Ольга была замужем за Сергеем, — негромко продолжила женщина, и в её голосе прозвучала та особая теплота, с какой вспоминают людей, которых искренне уважали. — Он служил в полиции. Был из тех, кто не гнётся: честный, прямой, не терпел полуправды. Ольга им гордилась — говорила, что рядом с ним ничего не страшно.

А потом… — она тихо вздохнула, будто этот «потом» до сих пор отзывался внутри глухой болью. — Потом случился пожар. И с той минуты всё пошло наперекосяк.

— Что именно изменилось? — спросила Анна, стараясь не спугнуть этот осторожный рассказ.

— Сергей не поверил ни единому слову про «неисправность проводки». Он был твёрдо убеждён, что это поджог — и не собирался закрывать на это глаза. Он приходил сюда, в библиотеку, точно так же, как вы сейчас: просиживал часами, листал старые газеты, выдёргивал из них каждую строчку, где хоть краем упоминался пожар, будто надеялся найти в этих обрывках одну-единственную правду. Он хотел найти того, кто это сделал, — и не ради отчёта, а ради Ольги.

Женщина ненадолго замолчала, словно снова видела перед собой того упрямого полицейского, который не умел сдаваться.

— А через два месяца загорелся ваш дом, — тихо добавила она. — И после этого Сергей будто сломался. Ушёл из полиции — резко, без долгих объяснений. Уехал из города, не оставив ни адреса, ни даже короткого письма. Я больше его не видела. С тех пор о нём никто ничего не слышал.

Анна слушала, и внутри что-то сжималось — медленно, туго, как пружина.

— Вы знаете, где он сейчас?

— Нет, — сказала женщина. — Но я знаю, что он вернулся год назад. Я видела его на улице. Он не подошёл, просто прошёл мимо, но я его узнала.

— Почему вы не сказали полиции?

Женщина посмотрела на неё. В её глазах был страх.

— Потому что я не хочу, чтобы со мной случилось то же, что с Ольгой, — сказала она. — И с вашей семьёй.

Анна кивнула. Она понимала.

— Спасибо, — сказала она. — Вы очень помогли.

Она вышла из библиотеки и остановилась на крыльце, вдыхая влажный воздух. В голове было слишком много мыслей — они сталкивались, перебивали друг друга, не давали сосредоточиться.

Ольга Морозова. Её пожар. Пожар в доме Анны. Спички. Ограбления. Всё это было связано — Анна чувствовала эту связь не умом, а всем телом, как чувствуют приближение грозы: воздух тяжелеет, тишина звенит в ушах, а по коже бегут мурашки от напряжения, будто сама атмосфера города знала, что грядет буря.

Она достала телефон. Пальцы чуть подрагивали, пока набирала номер Соловьёва — не от страха, а от того, как туго натянулась внутри струна, готовая вот-вот сорваться на звон. Когда в трубке раздался его голос, Анна сделала короткий вдох, чтобы слова не рассыпались, и заговорила — и в голосе её слышалась лёгкая хрипотца, будто она слишком долго держала всё в себе и теперь выпускала это наружу.

— Соловьёв, это Верещагина, — произнесла она, и в этой хрипловатой твёрдости было больше напряжения, чем в любом крике. — Есть новые данные… Слушай внимательно. Ольга Морозова, жена Сергея Морозова, погибла при пожаре. За два месяца до того, как сгорел мой дом. Дела закрыли одинаково — обе стороны, все свидетели, все улики… под одну гребёнку: «неисправность проводки». Морозов пытался докопаться до правды, он ходил по кабинетам, тряс бумагами, искал зацепки… Его вынудили уйти из полиции. Сломали, заставили отступить. А год назад он вернулся в город. Как будто всё это время копил силы, чтобы закончить начатое.

— Понял, — сказал Соловьёв. — Что мне делать?

— Подними все дела о пожарах, где погибли женщины. Все, где фигурировала спичка. Я хочу знать, сколько ещё было таких, как Ольга. И как много людей, которые пытались копать и были вынуждены замолчать.

— Анна Николаевна, — сказал Соловьёв, и в его голосе была осторожность. — Вы думаете, это одна и та же группа? Те же люди, которые сжигали дома и грабили инкассаторов?

— Я думаю, что это одна и та же система, — сказала Анна. — Люди, которые прикрывают друг друга

— Это те, кто знает, как закрыть дело, как заставить свидетеля замолчать, как убрать неудобного человека, — голос Анны звучал ровно, но в нём всё ещё держалась та самая хрипотца, будто каждое слово царапало горло. — И Морозов был одним из тех, кого они пытались сломать. Но он не сломался. Он просто пошёл другим путём. Начал мстить — по-своему, в одиночку.

— А вы? — тихо спросил Соловьёв, и в этом вопросе не было ни осуждения, ни подталкивания — только желание понять, куда её несёт эта волна. — Что вы собираетесь делать?

Анна помолчала. Секунду, две — достаточно, чтобы услышать, как в груди выравнивается пульс, уступая место холодной ясности.

— Я собираюсь найти его, — сказала она чётко, будто сама формулировка делала план реальным. — И узнать, что он знает.

Она положила трубку, сунула телефон в карман и пошла обратно в гостиницу, не замечая ни сырого ветра, ни капель, стекающих по воротнику. В номере она сразу подошла к столу, достала блокнот Морозова — тот самый, из захламлённого сарая. Открыла на первой странице и начала читать. Медленно, строчка за строчкой, вглядываясь в каждую букву, будто боялась пропустить скрытый смысл.

Это был не просто блокнот с маршрутами и датами. Это был дневник — исповедь человека, который слишком долго держал всё в себе. Морозов записывал всё: кто был на месте преступления, кто вёл дела, кто подписывал заключения. Имена, фамилии, должности. Целая сеть, сплетённая из мелких деталей: от рядовых полицейских до чиновников в области.

Анна листала страницы, и перед глазами постепенно разворачивалась картина, от которой холодело внутри. Она видела не просто список фактов — она видела систему, которая работала как единый механизм, перемалывая чужие жизни.

На одной из страниц, датированной двумя годами ранее, она нашла запись, сделанную аккуратным, выверенным почерком:

«Ольга. Я знаю, кто это сделал. Я знаю, кто приказал. Но я не могу доказать. Пока не могу. Мне нужно больше времени. Мне нужны люди, которые помогут. Но я один. И я не знаю, кому можно верить».

Ниже, другой рукой — более размашистой, будто писавший уже не сдерживал эмоций, — шли новые строки:

«Я нашёл их. Тех, кто сжигает дома. Они называют себя „Тихая гавань“. Они не просто поджигатели. Они — система. Они выбирают жертв, которые не смогут дать отпор: женщин, оставшихся одних, семьи, которые „не вписались“. Они сжигают дома, чтобы завладеть землёй. А потом строят на этом месте что-то другое. Что-то, что приносит деньги. И они прикрывают друг друга: полиция, судьи, чиновники. Они все — одно звено».

Анна замерла, пальцы невольно сжались на краях страницы.

«Тихая гавань».

Она перечитала абзац. Потом ещё раз. И ещё. Слова будто отпечатывались внутри, складываясь в новую, пугающую реальность.

И тут в памяти всплыли слова Громова: «Туманск — не „интересное место“. Это город, где ты выросла. И где погибла твоя семья». Он знал. Знал, что она рано или поздно найдёт эту правду. То ли хотел, чтобы она её нашла, то ли боялся этого.

Анна закрыла блокнот. Посидела несколько секунд, глядя на стену, позволяя этим мыслям улечься. Страх, который жил в ней двенадцать лет, никуда не исчез — он по-прежнему был где-то рядом, холодный и тяжёлый. Но теперь к нему прибавилось что-то ещё. Злость. Не слепая, не рвущая изнутри, а холодная, ясная — та, что помогает идти вперёд, когда всё вокруг кричит, чтобы ты остановился.

Она достала телефон и набрала номер Громова. Он ответил после третьего гудка.

— Верещагина? — голос его был сонным, но почти сразу в нём проступила настороженность. — Ты знаешь, сколько времени?

— Половина первого, — спокойно сказала Анна. — Товарищ полковник, я хочу задать вам один вопрос.

— Какой? — в его тоне уже не было сонливости, только собранность человека, который понимает: разговор будет непростым.

— Вы знали, что в Туманске действует организация под названием «Тихая гавань»? — спросила она, не отводя взгляда от тёмного окна, будто там, в отражении, могла увидеть его настоящую реакцию.

Тишина повисла в трубке — долгая, тяжёлая, будто сам воздух между ними стал густым и неподатливым.

— Где ты это услышала? — наконец спросил Громов, и теперь в его голосе звучал не интерес, а холод — такой, от которого по спине пробегал озноб.

— Из надёжного источника, — ответила Анна, не давая ни намёка на уступку. — Так знали?

Громов помолчал ещё секунду — достаточно, чтобы она успела подумать, что он вообще не ответит.

— Верещагина, — произнёс он медленно, взвешивая каждое слово, — я советую тебе остановиться. Прямо сейчас. Пока не поздно.

— Почему? — спросила она, и в её голосе не было вызова, только прямая, неудобная правда. — Потому что это правда? Потому что вы отправили меня сюда, зная, что я найду это? Или потому что вы боитесь, что я найду слишком много?

— Я не боюсь, — твёрдо сказал Громов, и в его голосе не было бравады, только усталая твёрдость человека, который слишком долго носил эту тяжесть в одиночку. — Я преду-

преждаю. Ты не понимаешь, с чем связалась. Эти люди… они не просто преступники. Они — система. Проросли во всё: в кабинеты, в протоколы, в чужие судьбы. Они везде. И если ты будешь копать дальше, ты найдёшь не только их. Ты найдёшь то, что уже не сможешь забыть.

— Что вы имеете в виду? — голос Анны прозвучал тихо, будто она боялась спугнуть ответ, но в то же время не могла не спросить.

Громов помолчал. Секунды тянулись, как тяжёлые капли с карниза, и в этой паузе чувствовалось, что он борется с собой — с желанием уберечь и с долгом сказать правду.

— Твой отец, — произнёс он наконец, выговаривая каждое слово так, словно оно обжигало. — Он был судьёй. Рассматривал дела, которые задевали их интересы. Он знал слишком много. И он отказался играть по их правилам. Не прогнулся. Вот почему сгорел твой дом.

Анна замерла. В горле пересохло, а в груди будто что-то оборвалось, оставив после себя звенящую пустоту. Мир на мгновение сжался до одной точки — до этих слов, которые перечеркнули всё, что она считала случайностью.

— Вы знали, — прошептала она, и в этом шёпоте не было ни крика, ни слёз — только ледяное осознание. — Вы знали, кто убил мою семью. И вы ничего не сделали.

— Я не знал, — тихо, но твёрдо возразил Громов. — Я догадывался. Чувствовал, как воздух становится тяжелее каждый раз, когда кто-то задавал неудобные вопросы. У меня не было доказательств. Ни одной бумаги, ни одного свидетеля, который бы рискнул заговорить. А рисковать я не мог. У меня тоже семья.

— У меня тоже была семья, — тихо, но отчётливо сказала Анна, и в этих словах не было упрёка — была констатация, горькая и окончательная. — И вы отправили меня сюда, зная, что я найду их. Зачем?

Громов снова помолчал. На этот раз тишина была не от нерешительности, а от тяжести того, что предстояло произнести.

— Потому что я устал, — признался он, и в голосе впервые проскользнула усталость, которую он столько лет прятал за строгостью и приказами. — Устал бояться. Устал смотреть, как всё остаётся как есть. Я подумал: если кто-то и сможет их остановить, то это ты. В тебе есть то, чего у меня уже нет, — огонь, который не гаснет.

— Вы использовали меня, — сказала Анна, но даже сама почувствовала, что в этих словах уже нет прежней горечи. Скорее — попытка уложить всё в понятный порядок. — Как пешку.

— Нет, — резко, почти с обидой возразил Громов. — Я дал тебе шанс. Шанс узнать правду. Шанс отомстить, если это то, что тебе нужно. Ты можешь использовать его или отказаться. Но если ты продолжишь, будь готова к тому, что они придут за тобой. Не будут угрожать. Не будут пугать. Просто однажды ты обернёшься — и поймёшь, что опоздала.

Анна помолчала, переваривая эти слова, позволяя им осесть где-то глубоко, там, где рождается решение.

— Я уже готова, — сказала она спокойно. Не как вызов, а как факт.

Она положила трубку. В комнате повисла тишина, нарушаемая только ровным стуком дождя по стеклу. Где-то далеко, в глубине города, лаяла собака — одинокий, настойчивый звук, похожий на предупреждение.

Анна посмотрела на блокнот Морозова. На страницу, где чёрным по белому стояло: «Тихая гавань». Буквы будто пульсировали, обретая вес и смысл. Она знала, что делать.

Достав телефон, она набрала номер Сычёва.

— Майор, — сказала она, когда он ответил, — мне нужно, чтобы вы кое-что сделали. Завтра утром. Но не через отдел. Ни отчётов, ни бумаг, ни лишних глаз.

— Что? — в голосе Сычёва тут же прорезалась настороженность, привычная для человека, который знает, сколько опасностей прячется за простыми просьбами.

— Мне нужен человек, который знает Морозова. Тот, кому он доверял. Я хочу поговорить с ним. Один на один. Без посредников, без протоколов — просто человек, который скажет мне правду.

Сычёв помолчал, и в этой тишине Анна почти слышала, как он взвешивает риски: свою должность, свою безопасность, свою совесть.

— Вы понимаете, что просите? — наконец спросил он. — Это не просто «найдите человека». Это значит выйти из-под прикрытия. И если кто-то заметит…

— Понимаю, — спокойно перебила Анна. — И я прошу. Не как начальник, не по уставу. Как человек, которому больше не на кого опереться.

Сычёв тяжело вздохнул — этот вздох был полон лет молчания, компромиссов и невысказанных «если бы».

— Хорошо, — сказал он после паузы, в которой уместилось много невыговоренного. — Я знаю одного человека. Он был другом Морозова. Работал с ним бок о бок, пока его не начали прижимать. Уволился, уехал за город, в деревню. Держится тихо, ни с кем не связывается. Думаю, он всё ещё помнит Морозова. И, возможно, знает больше, чем говорит.

— Дайте адрес, — попросила Анна, не тратя слов на благодарности.

Сычёв продиктовал адрес. Анна записала его в блокнот, рядом с другими пометками, которые уже начинали складываться в маршрут.

— Спасибо, майор, — сказала она.

— Не благодарите, — отозвался Сычёв. — Просто будьте осторожны. Эти люди не прощают любопытства. И ещё… — он снова запнулся, подбирая слова, будто они были слишком тяжёлыми, чтобы произносить их легко. — Я хочу, чтобы вы знали: я не враг.

— Я знаю, — тихо сказала Анна. — Именно поэтому я вам звоню. Не потому, что у меня есть выбор. А потому, что вы — единственный, кто готов рискнуть.

Она положила трубку и снова посмотрела на блокнот. Дождь стучал по стеклу, город дышал сыростью и тайной, а она чувствовала, как внутри что-то окончательно встаёт на место. Завтра она встретится с человеком, который знал Морозова. И, возможно, найдёт ту самую ниточку, которая приведёт её к нему. А может, к правде, которую столько лет прятали под слоем лжи.

Она легла на кровать, не раздеваясь, и закрыла глаза. Сон не шёл, но она знала: завтра будет новый день. И новые ответы.

Где-то в глубине города, в старом доме на улице Лесной, мужчина с седыми волосами сидел у окна и смотрел на улицу. Перед ним на столе лежала маленькая коробка со спичками. Он взял одну, чиркнул — огонёк вспыхнул, осветив его лицо. Он улыбнулся и задул спичку.

— Скоро, — сказал он тихо. — Скоро мы встретимся.

Глава 8. Друг

Деревня называлась Заречье и находилась в сорока километрах от Туманска, за рекой, через которую вёл старый мост, весь в заплатах и трещинах. Анна выехала в шесть утра на машине, которую взяла напрокат в гостинице, — старенькой «Ладе», пахнущей бензином и пылью. Сычёв предложил поехать с ней, но она отказалась. Это был разговор, который она должна была провести одна.

Дорога шла через лес, потом через поля, пустые и серые под низким небом. Анна ехала медленно, всматриваясь в дорогу и в собственные мысли. Слова Громова не выходили из головы: «Твой отец знал слишком много. Он отказался играть по их правилам». Она вспоминала отца — его усталые глаза, его тихие разговоры с матерью на кухне, его привычку читать газеты по вечерам. Он был судьёй. Он рассматривал дела, которые, как она теперь понимала, касались интересов «Тихой гавани». И он отказался закрывать глаза на то, что видел. За это и поплатился.

Заречье оказалось маленькой деревней — десяток домов, покосившийся магазин, колодец с журавлём. Анна остановила машину у дома № 7, как сказал Сычёв. Дом был старый, но крепкий, с новыми воротами и аккуратным палисадником. На крыльце сидел мужчина в куртке и смотрел на неё.

— Вы Анна? — спросил он, поднимаясь. — Сычёв звонил и предупредил.

Он был высокий, худой, с седеющими волосами и глазами, которые смотрели спокойно и внимательно. Лет пятьдесят. Бывший полицейский — это было видно по выправке, по тому, как он держал руки, по тому, как оценивающе скользнул взглядом по её машине, по её лицу.

— Николай Петрович, — представился он. — Проходите.

В доме было тепло, пахло деревом и чаем. Николай Петрович провёл её на кухню, поставил чайник, сел напротив.

— Значит, вы дочь Верещагиных, — сказал он. — Я знал вашего отца. Не лично — но слышал о нём, он был хорошим судьёй. Самое главное он был честным.

— Спасибо, — сказала Анна. — Вы работали с Морозовым?

Николай Петрович помолчал. Потом кивнул.

— Работал, — тихо повторил Сычёв, будто само это слово несло в себе тяжесть прошедших лет. — Мы были напарниками. Пять лет бок о бок — столько вместе пережили, что иной родне не выпадает. Он был… — Сычёв запнулся, подбирая слова так бережно, словно боялся их повредить. — Он был лучшим из нас. Честный до упрямости, прямой до резкости, не из тех, кто ищет удобные пути. И главное — не боялся идти против системы, даже когда все вокруг делали вид, что ничего не замечают. Пока не случилось это. Пока всё не рухнуло.

— Пожар?

— Да. Ольга погибла, а он… — Николай Петрович на секунду прикрыл глаза, будто перед внутренним взором снова встала та самая чёрная полоса, что перечеркнула столько жизней. — Он сломался, но не так, как думают слабые. Не рассыпался. Просто ушёл в тень — стал невидимкой. И начал копать. Сам в одиночку, без удостоверений, без поддержки, без права на ошибку.

— Вы знаете, что он нашёл? — тихо спросила Анна, будто боялась спугнуть эти тяжёлые слова, которые давались старику с трудом.

Николай Петрович отпил остывший чай, посмотрел на неё долгим, усталым взглядом — взглядом человека, который слишком много знает и слишком мало может изменить.

— Я знаю, что он нашёл их, — произнёс он наконец. — Тех, кто сжёг его дом и ваш. И ещё двенадцать — по всей области, как сухие листья сметают, чтобы расчистить место. Они называют себя «Тихая гавань». Слышали?

— Слышала, — кивнула Анна. — Из его блокнота.

— Значит, вы уже знаете, — повторил Николай Петрович, и в его голосе не было ни удивления, ни облегчения — только горькое признание того, что правда всё-таки пробилась наружу. — Это не просто банда поджигателей. Это сеть. Плотная, хитрая, проросшая во все щели: чиновники, полицейские, судьи, бизнесмены. Они выбирают дома, которые можно сжечь, чтобы освободить землю. Потом строят на этом месте что-то другое — торговые центры, склады, элитные посёлки. И они прикрывают друг друга. Если кто-то начинает копать — его убирают. Либо деньгами, либо угрозами, либо… — он снова помолчал, и эта пауза легла между ними тяжёлым грузом, — либо огнём.

— Мой отец был одним из тех, кто им мешал, — сказала Анна, и голос её звучал непривычно ровно, будто сама эта ясность помогала держаться на ногах. — Он рассматривал дело, которое касалось их интересов. И отказался закрыть глаза.

— Да, — тихо подтвердил Николай Петрович. — Я знаю. Морозов говорил об этом. Ваш отец был судьёй на процессе по делу о незаконной застройке. Ответчиком была фирма, связанная с «Тихой гаванью». У него был простой выбор: закрыть дело и жить спокойно или поступить по совести. Он выбрал второе. И тогда они решили его убрать. Сожгли дом, а это представили как несчастный случай. А всех, кто мог связать концы с концами, либо запугали, либо купили. Иногда достаточно просто показать, что ты знаешь, где живут твои дети.

Анна слушала, и внутри становилось тихо, холодно и очень ясно — как бывает перед грозой, когда воздух звенит от напряжения, а мир обретает пугающую чёткость.

— А Морозов? — спросила она, подавшись вперёд, будто от этого вопроса зависело всё. — Что он сделал?

— Он не стал ждать, пока правосудие свершится, — сказал Николай Петрович. — Он решил, что сделает это сам. Начал собирать информацию: имена, связи, доказательства. Хотел не просто наказать — хотел уничтожить эту гниль. Но понимал, что в одиночку не справится. И тогда он придумал план.

— Какой план? — почти прошептала Анна.

Николай Петрович помолчал, собираясь с мыслями.

— Он решил, что единственный способ привлечь внимание — это сделать так, чтобы их преступления стали очевидны для всех. Чтобы люди перестали отводить глаза и начали задавать вопросы. И для этого он выбрал самый дерзкий, самый опасный путь. Он начал грабить инкассаторов. Не ради денег — деньги он даже не забирал до конца, разбрасывал, оставлял как приманку. Он делал это, чтобы показать: система уязвима. Те, кто считает себя неприкосновенными, могут быть наказаны. А спички… — старик горько усмехнулся, — он оставлял их как подпись. Как знак: «Я здесь. Я вижу вас. И я приду за каждым».

Анна замерла, и мир на секунду сжался до одной точки — до этого странного, отчаянного, почти безумного способа бороться.

— Ограбления — это его способ привлечь внимание? — переспросила она, будто пыталась уложить эту логику в голове, примерить её на себя. — Он не вор. Он… он бьёт по системе.

— Он мстит, — твёрдо сказал Николай Петрович, и в этом слове не было ни осуждения, ни оправдания — только признание горькой правды. — И он ждёт вас. Он знал, что вы приедете. Знал, что вы — единственная, кто сможет понять. Потому что вы тоже потеряли всё. И вы тоже хотите справедливости, а не просто приговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.